
Сона Скофилд
РАЗВОД.
Генерал,
ТЕБЯ КАК БУДТО ПОДМЕНИЛИ

Сона Скофилд

Развод. Генерал, тебя как будто подменили

«Автор»
2026

Скофилд С.

Развод. Генерал, тебя как будто подменили / С. Скофилд — «Автор», 2026

Генерал Сергей Лазарев привык все решать заранее. Даже развод он подготовил без участия жены: присмотрел квартиру для жизни с первой любовью, познакомил с ней взрослую дочь и составил бумаги о разделе имущества. Виктория узнала о его решении в день двадцать седьмой годовщины свадьбы — за столом, накрытым к его возвращению.Сергей твердит, что все эти годы прожил не ту жизнь. Но Виктория помнит другую: переезды, первые шаги дочери, вечера в ожидании мужа из командировок и годы, когда они действительно любили друг друга. Теперь ей сорок девять, впереди раздел имущества, съемная квартира и трудное примирение с дочерью, которая поверила отцовской лжи.Виктория возвращается к фортепиано и готовит открытие старого концертного зала. Там она знакомится с Максимом Арсеньевым — упрямым инженером, способным испортить ей все репетиционные планы и рассмешить одним замечанием. Доверять ему страшно. Но еще страшнее однажды заметить, что снова ждешь чьего-то возвращения.

© Скофилд С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Два бокала 5
Глава 2. Имя на обороте 26
Глава 3. Третий этаж 47
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Сона Скофилд
Развод. Генерал, тебя как будто подменили

Глава 1. Два бокала

В половине шестого у меня на столе лежали три заявления от родителей, счет за настройку рояля и коробка конфет, которую принесла мама одной из учениц. Конфеты я намеревалась отнести преподавателям, счет подписать до ухода, а заявления отложить до понедельника. В результате получилось наоборот: заявления я прочитала дважды, счет потеряла под папкой с расписанием, а коробку открыла, хотя сладкого почти не ела.

В коридоре кто-то старательно разучивал гамму. На втором этаже преподавательница вокала пыталась объяснить десятилетнему мальчику разницу между громким звуком и криком. По голосу мальчика я понимала, что объяснение пока не подействовало.

Обычный пятничный вечер в нашей школе искусств.

Я любила это время. Родители уже забрали большинство детей, младшие преподаватели расходились по домам, и здание постепенно приобретало тот особенный покой, который бывает только в помещениях, где весь день звучала музыка.

На стене напротив моего стола висела фотография первого выпуска школы «Лад». Двенадцать детей в одинаковых белых рубашках, три преподавателя и я, тридцатидевятилетняя, с ужасной короткой стрижкой, которую тогда считала невероятно модной.

Снимок сделали десять лет назад.

Сергей в тот день принес мне огромный букет белых роз и сказал, что гордится мной.

Я посмотрела на фотографию немного дольше обычного.

— Виктория Андреевна, вы еще здесь?

В дверях появилась Нина Павловна, наш завуч. На плече у нее висела сумка, набитая тетрадями, а из кармана кардигана торчали две ручки и карандаш.

— Заканчиваю. А вы почему не ушли?

— Проверяла расписание на следующую неделю. У нас опять три человека хотят заниматься по вторникам в одно и то же время. Причем всем обязательно после шести.

— Тогда предложите им дополнительный час в четверг.

— Предлагала. Один папа сказал, что по четвергам у них бассейн.

— Пусть выбирает между бассейном и скрипкой. Я за него этого сделать не могу.

Нина Павловна улыбнулась, но уходить не спешила.

— А вы сегодня особенно нарядная. В ресторан собираетесь?

Я опустила взгляд на свое темно-синее платье.

— У нас с Сергеем годовщина.

— Ой, поздравляю! Сколько уже?

— Двадцать семь лет.

Нина Павловна присвистнула.

— Вот это срок. Мы с моим двадцать четыре прожили, и то я временами удивлялась, как мы друг друга не прибили.

Я рассмеялась. Нина Павловна была замужем уже двадцать четыре года и при каждом удобном случае рассказывала о недостатках своего мужа с такой нежностью, что никто не сомневался в их счастливом браке.

— А мой сегодня из Москвы возвращается, — сказала я. — Обещал быть к восьми. Хочу устроить нормальный ужин, без гостей и ресторанов.

— Значит, тем более уходите. Документы до понедельника не испортятся.

Она забрала коробку конфет, как я и собиралась попросить, и наконец отправилась домой.

Я закрыла папку, нашла под ней счет и поставила подпись.

Потом взяла телефон. Последнее сообщение от Сергея пришло в половине третьего.

«Выезжаю. К восьми буду».

Ни привычного обращения, ни вопроса, как прошел мой день.

В последнее время он вообще писал так, словно отправлял распоряжения подчиненным.

Я набрала: «Купила твой любимый торт. Не опаздывай».

Посмотрела на сообщение и стерла последние два слова.

Не хотелось звучать требовательно. Сергей и без того стал раздражаться из-за любых напоминаний.

«Купила твой любимый торт. Жду тебя дома».

Отправив сообщение, я положила телефон в сумку и выключила настольную лампу.

На лестнице мне встретилась восьмилетняя Полина, ученица подготовительного отделения. Девочка тащила футляр со скрипкой, едва не задевая им ступени.

— Поля, осторожнее. Ты же инструмент разобьешь.

— Виктория Андреевна, а правда, что у скрипки душа есть?

Я остановилась.

— Откуда такой вопрос?

— Владимир Ильич сказал, что у хорошей скрипки душа должна быть. А мама сказала, что души бывают только у людей.

Мне пришлось подумать.

— У скрипки и правда есть душка — маленькая деревянная палочка внутри. Но Владимир Ильич, наверное, хотел объяснить, почему некоторые инструменты звучат особенно красиво.

— А почему?

— Потому что их хорошо сделали, а потом за ними долго ухаживали.

Полина посмотрела на свой футляр.

— Значит, если я буду ухаживать, моя тоже станет хорошая?

— Она уже хорошая. Но если ты перестанешь ронять ее на ступеньках, будет еще лучше.

Девочка засмеялась и поспешила к выходу.

Я проводила ее взглядом.

Такие разговоры случались у меня каждый день. Кому-то требовалось объяснить, почему нельзя научиться играть на фортепиано за две недели. Кому-то — почему преподаватель не обязан терпеть грубость родителей. Иногда приходилось успокаивать детей перед выступлениями, иногда разбираться с потекшей крышей или закупкой новых стульев.

Сергей любил говорить, что я трачу слишком много сил на чужих детей.

Раньше он произносил это добродушно, обнимал меня за плечи и добавлял, что дома у меня тоже есть семья.

Последний раз, когда я рассказала ему о проблемах с помещением, он даже не поднял глаз от телефона.

«Вика, ну зачем ты опять принесла свои школьные неприятности домой?»

Я тогда замолчала.

Хотя в тот вечер мне всего лишь хотелось поделиться новостями с мужем.

На улице пахло мокрыми листьями. Сентябрь выдался теплым, но по вечерам уже чувствовалась осень. У обочины собралась желтая вода после короткого дождя, а возле цветочного киоска пожилая женщина заворачивала букеты в бумагу.

Я прошла мимо, потом вернулась и купила небольшую ветку белых хризантем.

Почему-то хотелось, чтобы дома сегодня было красиво.

В машине зазвонил телефон. Я посмотрела на экран, надеясь увидеть Сергея, но звонила Оксана.

— Ты где?

— Только из школы вышла.

— С годовщиной вас, между прочим. Я с утра помнила, потом закрутилась. Как отмечаете?

— Дома. Сергей возвращается из командировки.

— А-а. Тогда понятно, почему ты вчера отказалась со мной ужинать. Что подаришь?

— Пока не придумала.

— Вик, двадцать семь лет вместе, а ты не придумала подарок?

— Я приготовила ужин, заказала торт. И хотела подарить ему фотографии.

— Какие фотографии?

— Старые. Нашла коробку, еще с пленочного фотоаппарата. Думаю сделать альбом.

Оксана помолчала.

— Хорошая мысль. Он в последние дни хоть настроение свое исправил?

Я завела двигатель, но не тронулась.

— Не очень.

— Вы поговорили?

— О чем?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем. Ты уже месяца три рассказываешь, что он ходит мрачнее тучи, ночует в кабинете и разговаривает с тобой через губу.

— У него сложности на службе.

— Он тебе сам сказал?

— Нет. Но я же вижу.

— Что именно ты видишь, Вика?

Мне не понравился этот вопрос.

— Оксан, давай не сегодня. У нас годовщина, я хочу спокойно провести вечер.

— Хорошо. Прости. Просто я за тебя переживаю.

Мы попрощались.

Я убрала телефон и несколько минут сидела, глядя на прохожих. Оксана умела задавать вопросы, на которые мне не хотелось отвечать.

Сергей действительно изменился, хотя и не за один день.

Сначала перестал звонить во время командировок просто так. Раньше обязательно рассказывал, где остановился, как долетел, что ел на ужин. Мог позвонить из гостиницы поздно ночью, чтобы пожаловаться на неудобную подушку или расспросить меня о какой-нибудь мелочи.

Я привыкла к этим звонкам. Иногда раздражалась, если он будил меня, но все равно слушала.

Последние месяцы мы разговаривали только по необходимости.

Затем исчезли привычные прикосновения.

Сергей больше не обнимал меня на кухне, пока я готовила кофе. Не брал за руку, когда мы шли по улице. В постели старался держаться на своей половине, а потом и вовсе начал оставаться в кабинете.

Когда я однажды спросила, что происходит, он ответил:

«Мне пятьдесят пять, Вика. Я не обязан вести себя как мальчишка».

Мне тогда стало стыдно.

Не потому, что я требовала невозможного, а потому, что вдруг почувствовала себя навязчивой.

Потом начались замечания.

Однажды перед официальным приемом я надела бордовое платье, которое раньше ему нравилось. Сергей внимательно посмотрел на меня и спросил, не слишком ли оно яркое для моего возраста.

Я переоделась.

Еще через неделю он отказался идти на концерт наших учеников.

Раньше приходил почти всегда, даже если приходилось задерживаться после работы. Сидел в зале с серьезным видом, потом обязательно хвалил детей и шутил, что скоро они выступят в Кремле.

Теперь сказал, что устал от моих бесконечных музыкальных мероприятий.

Я пыталась объяснить это то переутомлением, то возрастом, то тем, что у мужчин тоже бывают тяжелые периоды.

Любое объяснение подходило мне больше, чем мысль, что человек, с которым я прожила двадцать семь лет, просто перестал хотеть находиться рядом.

К семи часам ужин был почти готов.

Я поставила в духовку мясо с картофелем, нарезала овощи, достала из холодильника торт и протерла бокалы, хотя они были совершенно чистыми.

Торт назывался «Пьяная вишня».

Когда-то Сергей обожал его. На нашу первую годовщину я попыталась испечь такой сама, но крем не загустел, бисквит провалился посередине, а вишни оказалось столько, что торт невозможно было разрезать.

Сергей тогда ел его ложкой прямо из миски.

Я сидела рядом и смеялась до слез.

Он сказал, что вкуснее ничего в жизни не пробовал, и потребовал испечь такой же на следующий год.

Через год я купила торт в кондитерской. Он попробовал и объявил, что домашний был лучше.

С тех пор я каждый сентябрь покупала «Пьяную вишню» и каждый раз напоминала мужу об этой истории.

Возможно, глупая традиция.

Но в долгом браке их накапливается множество. Они незаметно становятся частью жизни, как привычный маршрут на работу или чашка, из которой каждый день пьешь утренний кофе.

Я накрыла стол в гостиной.

За большим окном темнел двор. Соседи напротив уже зажгли свет, и в их кухне мужчина в домашней футболке развешивал полотенца на сушилке.

У нас с Сергеем была просторная четырехкомнатная квартира. Мы купили ее, когда Лиза заканчивала начальную школу. Тогда Сергей только получил очередное назначение, я начала работать в «Ладе», а денег после покупки и ремонта оставалось впритык.

Первый год мы сидели на старом диване, который привезли из предыдущей квартиры, и ели за складным столом.

Зато у Лизы появилась собственная большая комната.

Сергей сам собирал ее кровать. В инструкции перепутали рисунки, и он полвечера ругался, пока я пыталась удержать доску.

Потом мы обнаружили, что прикрутили спинку наоборот.

Я так смеялась, что он в конце концов тоже рассмеялся.

Сейчас эту кровать давно увезли на дачу, а Лиза жила в Москве и работала графическим дизайнером. Ее комната превратилась в гостевую, хотя я по-прежнему хранила на полке старого плюшевого медведя с оторванной пуговицей вместо глаза.

Я прошла в спальню и открыла нижний ящик комода.

Там лежала коробка с фотографиями.

Несколько дней назад я достала ее, чтобы выбрать снимки для будущего альбома. На некоторых Сергей был совсем молодым. Черноволосый, худой, с упрямой складкой между бровями.

На одной фотографии он стоял у старого автомобиля, обнимая меня за плечи.

Мне было двадцать два.

Я щурилась от солнца и придерживала подол светлого платья, которое мама сшила специально к нашей свадьбе. Сергей смотрел не в объектив, а на меня.

Фотография получилась немного размытой.

Я перевернула ее.

На обороте его почерком было написано: «Наконец-то моя жена».

Тогда он любил оставлять подписи на снимках. Иногда смешные, иногда совершенно неприличные. Я ругала его за это, а он отвечал, что в старости нам будет интересно вспомнить, о чем мы думали.

Я провела пальцем по выцветшим буквам.

Мы познакомились на дне рождения моей подруги. Сергей приехал с товарищем, опоздал почти на два часа, а потом весь вечер спорил со мной о музыке, в которой, как выяснилось позднее, совершенно не разбирался.

Я сочла его самоуверенным нахалом.

Он пригласил меня в кино.

Я отказалась.

На следующий день он снова позвонил.

И еще раз.

Через неделю мы все-таки пошли гулять. Начался сильный дождь, Сергей отдал мне куртку, а сам промок до нитки. На следующий день он заболел.

Я принесла ему лекарства.

Он, лежа с температурой, спросил, не соглашусь ли я за него выйти, если он переживет эту страшную болезнь.

Я ответила, что рассмотрю предложение, когда он научится самостоятельно принимать таблетки.

Теперь, спустя почти тридцать лет, мне казалось удивительным, что я помнила даже рисунок на наволочке в его тогдашней комнате.

Я убрала снимок обратно.

Сегодня хотелось подарить Сергею не просто альбом, а напоминание о том, сколько всего мы пережили вместе.

Может быть, он посмотрит на фотографии, и между нами наконец состоится тот разговор, которого я так долго добивалась, — без раздражения, без его привычного «не начинай».

Я закрыла комод.

В спальне на прикроватной тумбочке Сергея стояла рамка с нашей фотографией, сделанной пять лет назад на море. Он обнимал меня со спины, я держала в руках мокрые босоножки.

Снимок был немного неровный.

Сергей тогда сам попросил прохожего нас сфотографировать.

Я поправила рамку и вернулась в гостиную.

В половине восьмого написала мужу:

«Ты далеко?»

Ответ пришел через десять минут.

«Задерживаюсь».

Я посмотрела на часы.

«Сильно?»

Он прочитал сообщение, но ничего не ответил.

Я выключила духовку и оставила мясо под крышкой.

В восемь часов налила себе немного воды, села на диван и включила телевизор. Шла какая-то передача о ремонте загородных домов. Я смотрела на женщину, выбирающую обои для детской, и не понимала ни слова.

В восемь сорок пять позвонила Сергею.

Он ответил не сразу.

— Да, Вика.

На заднем плане слышались голоса.

— Ты скоро?

— Я же написал, что задерживаюсь.

— Я ужин приготовила. Мясо остынет.

— Разогреешь.

— Сергей, у нас сегодня годовщина.

Несколько секунд он молчал.

— Я помню.

— Тогда почему ты не можешь хотя бы сказать, во сколько приедешь?

— Потому что не знаю. У меня были дела, я их заканчиваю.

— Ты еще в Москве?

— Нет. Я в городе.

Я выпрямилась.

— В городе? Ты давно приехал?

— Вика, я сейчас не могу разговаривать. Скоро буду.

Он отключился.

Я медленно положила телефон на стол.

Не то чтобы Сергей никогда не задерживался. За годы его службы я научилась спокойно относиться к внезапным командировкам, отмененным отпускам и звонкам посреди ночи.

Но он был уже в городе.

И даже не подумал сообщить.

Меня это задело сильнее, чем собственно опоздание.

Я встала, убрала торт в холодильник, потом зачем-то снова достала. Постояла с коробкой в руках и вернула обратно.

К девяти я сняла серьги.

Они были тяжелыми, с маленькими зелеными камнями. Сергей подарил их мне на сорокалетие и сам застегивал замочки, потому что я никак не могла справиться.

Тогда он сказал, что этот цвет подходит к моим глазам.

Последнее время он вообще не замечал, что я надевала.

Я положила серьги на полку в прихожей и пошла переодеваться, но в этот момент в замке повернулся ключ.

Сердце привычно дрогнуло.

Дурацкая реакция, подумала я. Сколько можно волноваться от обычного возвращения мужа домой?

И все равно поспешила к двери.

Сергей вошел с дорожной сумкой в одной руке и папкой в другой.

На нем было темное пальто, которое мы вместе выбирали прошлой осенью. Я сразу заметила, что он похудел. Скулы стали резче, под глазами залегли тени.

Он выглядел усталым.

— Привет, — сказала я.

— Привет.

Сергей поставил сумку возле шкафа, снял пальто и повесил его на крючок.

Раньше он всегда целовал меня, прежде чем пройти в квартиру. Даже после тяжелой дороги, даже когда злился или торопился.

Теперь прошел мимо.

От него пахло холодным воздухом и дорогим одеколоном.

— Как доехал?

— Нормально.

— Ты совсем замерз. Сейчас чай поставлю.

— Не надо.

Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и посмотрел в сторону гостиной.

— У тебя гости?

— Нет. Я стол накрыла.

Сергей задержал взгляд на белой скатерти, хризантемах и двух бокалах.

Ничего не сказал.

Я попыталась улыбнуться.

— Двадцать семь лет, между прочим. Можно было бы и поздравить жену.

— Вика, я помню дату.

— Тогда поздравь.

Он посмотрел на меня внимательно, почти с недоумением.

И вместо привычного объятия произнес:

— Нам нужно поговорить.

Я почувствовала неприятное напряжение в животе.

— Хорошо. Давай поужинаем и поговорим.

— Я не голоден.

— Ты ел в дороге?

— Да.

— А я тебя ждала.

Это прозвучало упреком, хотя я не собиралась упрекать.

Сергей устало потер переносицу.

— Я не просил тебя ждать.

Несколько секунд я молчала.

В коридоре было тихо. На кухне работал холодильник, а из соседней квартиры доносился смех.

Мне захотелось сказать, что нормальный муж вообще не должен просить жену ждать его в годовщину свадьбы. Что можно хотя бы предупредить, если планы изменились.

Но я увидела его лицо и решила не начинать ссору.

— Ты устал. Иди переоденься. Я пока разогрею ужин.

— Виктория.

Он редко называл меня полным именем дома.

Обычно только тогда, когда сердился.

— Что?

— Не нужно ничего разогревать. Пожалуйста, сядь. Разговор серьезный.

Я посмотрела на папку в его руке.

— У тебя что-то на службе?

— Нет.

— Ты поругался с начальством?

— Нет, Вика. Дело не в работе.

Он прошел в гостиную.

Я последовала за ним.

Сергей остановился возле накрытого стола и на мгновение прикрыл глаза. Потом отодвинул стул.

— Садись.

Меня вдруг рассердил этот спокойный тон.

— Я не на совещании, Сережа.

Он посмотрел на меня, но ничего не ответил.

Я села напротив.

Между нами стояли два бокала.

Сергей положил папку возле своего прибора.

Руки у него были совершенно спокойными.

Я невольно вспомнила, как на нашей свадьбе он уронил кольцо и минут пять искал его под столом. Волновался тогда так сильно, что даже пальцы дрожали.

Сейчас он выглядел человеком, заранее подготовившимся к неприятному разговору.

— Я долго думал, как тебе сказать, — начал он.

У меня похолодели ладони.

— Что сказать?

Сергей перевел взгляд на окно.

— Я считаю, нам нужно развестись.

Сначала я не поняла.

То есть услышала слова. Прекрасно разобрала каждое.

Но они совершенно не подходили ни к нашей гостиной, ни к белой скатерти, ни к мужчине, который сидел напротив.

— Что?

— Я хочу развода.

Он повторил это немного громче, словно решил, что я плохо расслышала.

Я посмотрела на него.

Потом на папку.

Потом снова на него.

— Это какая-то шутка?

— Нет.

— Сергей, ты сейчас серьезно?

— Абсолютно.

Мне захотелось встать. Почему-то показалось, что сидя невозможно нормально думать.

Но ноги словно перестали слушаться.

— Подожди. Я не понимаю.

— Вика, я понимаю, что для тебя это неожиданно.

— Неожиданно?

Я засмеялась. Смех получился неприятный, короткий.

— У нас сегодня годовщина. Я ждала тебя с ужином. А ты приехал сообщить, что хочешь развестись. Как еще это должно выглядеть?

Сергей опустил глаза.

— Я не хотел делать тебе больно.

— Тогда зачем ты это говоришь?

Он вздохнул.

— Потому что продолжать так больше нельзя.

— Как именно?

— Наши отношения давно себя исчерпали.

Я смотрела на него и пыталась понять, о каких отношениях он говорит.

О наших?

О тех самых, в которых мы вместе воспитывали дочь, покупали квартиры, ссорились из-за денег и мирились после бессмысленных споров?

О браке, где двадцать семь лет было столько счастливых дней, что я никогда не пыталась их пересчитать?

— Сергей, у нас проблемы. Я знаю. Но разве из-за этого нужно разводиться?

— Это не просто проблемы.

— Тогда объясни мне.

Он немного помолчал.

— Я больше не испытываю к тебе прежних чувств.

Я машинально сжала край скатерти.

— С каких пор?

— Не знаю.

— Как это не знаешь?

— Такие вещи не происходят в один день.

— Хорошо. Когда ты понял?

Сергей раздраженно поправил манжету.

— Вика, какая разница? Полгода назад или год?

— Для меня большая.

— Ты сейчас начнешь искать какую-нибудь конкретную причину, а ее нет.

— Я пытаюсь понять, что происходит с моим мужем.

— Со мной ничего не происходит. Я просто больше не хочу жить так, как раньше.

Я посмотрела на его лицо.

Когда-то оно было мне знакомо до мельчайших подробностей. Я знала, как у него дергается щека, если он сдерживает смех. Как он трет подбородок перед трудным решением. Как меняется выражение глаз, когда он очень устает.

Сейчас Сергей смотрел на меня спокойно и почти равнодушно.

Мне стало по-настоящему страшно.

— Ты заболел?

Он нахмурился.

— Что?

— Я серьезно спрашиваю. Может, у тебя что-то со здоровьем? Ты ведь последнее время сам не свой. Ты похудел, почти не спишь, постоянно раздражаешься.

— Виктория, я здоров.

— Тогда что случилось?

— Я уже объяснил.

— Нет. Ты сообщил, что хочешь развестись. Но не объяснил почему.

Сергей откинулся на спинку стула.

— Потому что мы стали чужими людьми.

Я медленно покачала головой.

— Я тебе не чужая.

— Послушай, я не собираюсь отрицать все хорошее, что у нас было. Но это прошло.

— Когда?

Он посмотрел на часы.

Я едва не задохнулась от обиды.

— Не смотри на часы, пожалуйста. Мы говорим о нашем браке, а не о задержке твоего самолета.

— Я просто устал с дороги.

— А я не устала? Я три месяца пытаюсь понять, почему ты со мной почти не разговариваешь. Почему не хочешь проводить время дома. Почему раздражаешься, когда я к тебе прикасаюсь. Ты хоть раз за эти месяцы спросил, как я себя чувствую?

— Не преувеличивай.

— Я не преувеличиваю.

— Вика, ты всегда слишком болезненно относилась к недостатку внимания.

Я отшатнулась, словно он действительно меня толкнул.

— Что?

— Вот видишь. Я пытаюсь говорить спокойно, а ты сразу воспринимаешь все как личное оскорбление.

— А как еще мне это воспринимать?

Сергей поджал губы.

Я знала это выражение.

Оно появлялось, когда собеседник не соглашался с его доводами и Сергей решал, что дальнейшие объяснения бессмысленны.

Раньше мне иногда удавалось рассмешить его в такие моменты.

Сейчас я даже не пыталась.

— В мае мы собирались ехать на озеро, — сказала я. — Помнишь? Ты сам предложил снять домик на неделю. Потом у тебя появилась командировка, и мы все отменили.

— Помню.

— В июне мы выбирали новую мебель в спальню. Ты сказал, что старый шкаф тебя раздражает. Мы полдня ездили по магазинам.

— И что?

— А то, что ты сейчас говоришь, будто наш брак давно закончился. Но ты ничего мне об этом не говорил. Наоборот, строил со мной планы.

— Люди могут строить планы по привычке.

— А любить по привычке они тоже могут?

Сергей отвел взгляд.

Я ждала ответа.

Мне почему-то казалось, что он сейчас устанет от этого странного разговора, протянет руку через стол и скажет, что все не так страшно.

Что мы просто отдалились, что он запутался, что нам нужно какое-то время побыть вдвоем, куда-нибудь уехать или хотя бы нормально поговорить.

Я была готова согласиться почти на что угодно, лишь бы он перестал смотреть на меня так, словно я мешала ему завершить давно принятое решение.

Но Сергей молчал.

И это молчание постепенно становилось ответом.

— Ты совсем меня больше не любишь? — спросила я.

Вопрос дался с огромным трудом.

Мне было сорок девять лет. Я руководила школой, проводила переговоры с недовольными родителями, увольняла сотрудников, если иначе было нельзя, и умела принимать неприятные решения.

Но сейчас я сидела перед собственным мужем и боялась услышать несколько простых слов.

— Я благодарен тебе за все, — произнес Сергей.

Я закрыла глаза.

— Я не об этом спросила.

— Вика, пожалуйста.

— Ты меня любишь?

Он долго молчал.

Потом сказал:

— Уже не так, как раньше.

Мне показалось, что в комнате стало холоднее.

Я поднялась и пошла на кухню.

Сергей что-то сказал вслед, но я не разобрала.

Возле раковины стояла чистая кастрюля. Я взяла ее, поставила на плиту, потом вернула обратно.

Включила воду и тут же выключила.

В зеркальной поверхности микроволновки отражалось мое лицо.

Я выглядела почти обычно.

Синее платье. Уложенные волосы. Немного размазанная помада.

Только губы дрожали.

Сергей появился в дверях.

— Вика, я понимаю, что тебе тяжело.

— Нет, не понимаешь.

— Я не враг тебе.

Я повернулась.

— А кто ты мне сейчас, Сергей?

Он остановился.

Впервые за весь вечер я увидела, что мой вопрос его задел.

Но уже через мгновение он снова собрался.

— Я хочу, чтобы мы решили все достойно.

— Что именно решили?

— Развод. Имущество. Остальные вопросы.

Я посмотрела на него с изумлением.

— Ты уже дошел до имущества?

— Эти вопросы все равно придется решать.

— Мы еще не договорили о том, почему ты хочешь уйти. А ты уже делишь квартиру?

— Вика, я пытаюсь подойти к ситуации рационально.

— Рационально?

Я повторила это слово, пытаясь удержаться от крика.

— Мы двадцать семь лет прожили вместе. Я рожала нашу дочь, пока ты был на службе. Я собирала вещи и ехала за тобой, когда тебя переводили. Я оставляла работу, потом снова начинала все с нуля. Я не жалуюсь, Сергей. Я делала это потому, что любила тебя. Но ты сейчас говоришь со мной так, словно мы не сошлись в цене при продаже машины.

— Я никогда не отрицал того, что ты много сделала для семьи.

— Тогда почему ты ведешь себя так, будто семьи больше нет?

— Потому что я хочу другой жизни.

Он произнес это отчетливо.

Я замолчала.

Сергей постоял в дверях, потом вернулся к столу.

Я последовала за ним не сразу.

Сначала выпила стакан воды. Потом посмотрела на часы над холодильником.

Было десять минут одиннадцатого.

Еще утром я думала, что в это время мы будем сидеть за ужином и обсуждать, куда поехать в отпуск.

Теперь мне предстояло выяснить, когда именно муж решил, что больше не хочет со мной жить.

Сергей сидел на прежнем месте.

Он снял часы и положил их рядом с папкой.

Это была его старая привычка перед серьезным разговором. Когда-то он объяснил, что часы мешают ему, если приходится долго работать с документами.

Я остановилась возле стола.

— Давай все-таки по порядку.

— Хорошо.

— Ты хочешь развод.

— Да.

— Ты уже принял решение?

— Да.

— Значит, мое мнение тебя не интересует?

Сергей нахмурился.

— Я не собираюсь заставлять тебя соглашаться с тем, что тебе не нравится. Но оставаться в браке только из жалости тоже не буду.

— Я не прошу жалости.

— Тогда чего ты хочешь?

Этот вопрос неожиданно поставил меня в тупик.

Чего я хотела? Чтобы он обнял меня. Сказал, что устал, сорвался и наговорил глупостей. Рассказал о проблемах на службе, если они действительно существовали. Чтобы мы сели рядом на диван, как делали сотни раз, и попытались найти выход.

Но сказать все это человеку, который только что сообщил о разводе, я не смогла.

— Я хочу понять, когда мы перестали быть семьей.

Сергей вздохнул.

— Мы давно живем каждый своими интересами.

— У каждого человека есть свои интересы. Это нормально.

— Ты постоянно занята школой.

Я посмотрела на него.

— И что?

— Ты живешь там. У тебя какие-то дети, преподаватели, концерты, родительские собрания. Вечером приходишь домой и начинаешь рассказывать, что кто-то заболел или кому-то не понравилось расписание.

— Ты тоже рассказываешь о работе.

— У меня другая работа.

Вот теперь я действительно рассердилась.

— Что значит другая?

— Не нужно цепляться к словам.

— Нет, объясни. Твоя работа важная, а моя нет?

— Я этого не говорил.

— Но именно это ты сейчас имеешь в виду.

Сергей поднялся и подошел к окну.

— Виктория, я не хочу спорить о твоей школе.

— Ты сам заговорил о ней.

— Потому что мы давно перестали понимать друг друга.

— А ты пытался меня понять?

Он обернулся.

— Я обеспечивал семью. Работал, решал проблемы, делал все, чтобы вы с Лизой ни в чем не нуждались.

— Я знаю. И никогда этого не отрицала.

— Тогда что тебя не устраивает?

— Меня устраивала наша жизнь. До тех пор, пока ты не начал вести себя так, словно мое присутствие тебе неприятно.

Он ничего не ответил.

— Ты помнишь, как мы открывали первый учебный корпус? — спросила я.

Сергей поморщился.

— Вика, опять твоя школа.

— Нет. Не школа. Ты.

Он посмотрел на меня.

— Ты тогда сам приехал помогать. Мы до полуночи переносили стулья, потому что грузчики перепутали адрес. Ты потом сидел на полу в пустом коридоре и говорил, что я обязательно справлюсь.

— Я помню.

— Ты гордился мной.

— И сейчас считаю, что ты хорошо работаешь.

— Но при этом разговариваешь так, словно я занимаюсь какой-то глупостью.

Сергей отвел глаза.

Я не знала, что причиняет мне большую боль: его слова или необходимость объяснять очевидные вещи мужчине, который раньше понимал их без объяснений.

— Ты изменилась, Вика, — сказал он наконец.

— Конечно. Мне почти пятьдесят. Я должна была остаться двадцатидвухлетней девочкой?

— Не передергивай.

— А ты не стал другим?

— Стал. И именно поэтому хочу что-то изменить.

Я устало опустилась на стул, пытаясь разобраться в словах мужа.

Он говорил, что мы давно чужие, но не мог назвать момент, когда это произошло. Обвинял меня в постоянной занятости, хотя сам неделями отсутствовал дома. Утверждал, что хочет честности, но до сегодняшнего вечера не сказал ни слова о разводе.

— Сергей, — произнесла я тихо, — тебя как будто подменили.

Он резко повернулся.

— Не начинай.

— Я не шучу. Я смотрю на тебя и не узнаю. Ты помнишь, каким был раньше?

— Конечно, помню.

— Тогда почему ты сейчас со мной так разговариваешь?

— Потому что я больше не тот молодой офицер, за которого ты выходила замуж.

— Я тоже не та девушка.

— Вот именно.

Я почувствовала, что начинаю терять терпение.

— И что теперь? Люди стареют, Сергей. У них меняются лица, работа, привычки. У нас дочь выросла, квартира появилась, здоровье уже не то, что в двадцать пять. Ты правда считаешь, что из-за этого нужно перечеркнуть семью?

— Я ничего не перечеркиваю.

— Ты только что сказал, что давно несчастлив.

— А разве это невозможно?

— Возможно. Но почему я узнаю об этом сейчас?

Он долго смотрел на меня.

— Потому что я не хотел тебя ранить.

Я покачала головой.

— Ты не хотел неприятного разговора. Это совсем другое.

Сергей сжал челюсти.

В обычный вечер я бы уже попыталась сгладить ссору: спросила бы, не хочет ли он чаю, предложила бы отдохнуть. Может быть, даже извинилась за резкость.

Но сейчас мне было слишком больно, чтобы снова заботиться о его удобстве.

— Покажи документы, — сказала я.

Сергей словно обрадовался возможности перейти к чему-то конкретному.

Он открыл папку и достал несколько листов.

Первый лежал лицевой стороной ко мне.

«Проект соглашения о разделе совместно нажитого имущества».

Я перечитала заголовок дважды.

— Ты заранее все подготовил?

— Я проконсультировался с юристом.

— Когда?

— Недавно.

— Сергей, когда?

— На прошлой неделе.

На прошлой неделе он звонил мне из Москвы.

Я спрашивала, какие рубашки нужно отдать в химчистку, и собиралась купить ему новые перчатки.

А он, оказывается, обсуждал с юристом раздел имущества.

Я взяла лист.

Квартира. Автомобили. Банковские счета. Предварительные предложения о порядке раздела.

В документе было много аккуратных формулировок, в которых наша жизнь выглядела набором вещей, оцененных в денежном выражении.

Я прочитала первый абзац, потом второй. На третьем перестала понимать содержание.

— Ты хочешь продать квартиру?

— Это один из вариантов.

— Нашу квартиру?

— Вика, другого общего жилья у нас нет. Если будем делить имущество, придется решать этот вопрос.

— А жить где?

Сергей нахмурился.

— Каждый найдет подходящий вариант. У нас достаточно средств.

— У нас?

— Я не собираюсь оставлять тебя без денег.

Я медленно положила лист на стол.

— Как великодушно.

— Не надо иронии.

— Я не иронизирую. Пытаюсь понять, почему ты говоришь так, словно делаешь мне одолжение.

— Я предлагаю цивилизованно решить вопрос.

— Ты предлагаешь решить его так, как удобно тебе.

— Если тебе не нравится этот вариант, можем обсудить другой.

— Мы обязательно обсудим. Но не сегодня.

Сергей раздраженно поджал губы.

— Почему?

Я посмотрела на него с изумлением.

— Потому что час назад узнала, что мой муж хочет развода.

Он замолчал.

На мгновение мне показалось, что он действительно понял, насколько нелепо звучал его вопрос.

Но затем Сергей собрал бумаги, выровнял края и убрал их обратно в папку.

— Хорошо. Обсудим позже.

Меня внезапно затошнило от его деловитости.

Он словно ожидал, что я сейчас открою ежедневник и предложу удобную дату для переговоров.

Я встала и отошла к окну.

На улице моросил дождь.

Под фонарем блестел мокрый асфальт. В соседнем подъезде кто-то держал дверь, пропуская женщину с коляской.

Я наблюдала за ними и с трудом удерживалась от желания закричать.

Ведь ничего внешне не изменилось.

За окном продолжалась жизнь.

Люди возвращались с работы, гуляли с собаками, покупали продукты.

Где-то наверху передвигали мебель.

И только в нашей квартире мужчина, которого я любила почти тридцать лет, спокойно объяснял мне, как мы будем делить общее имущество.

— А Лиза? — спросила я, не оборачиваясь.

— Что Лиза?

— Как мы ей скажем?

— Она взрослая. Я думаю, поймет.

— Ты уверен?

— Не нужно делать из этого трагедию. Разводятся многие.

Я резко повернулась.

— Для тебя это просто развод? Один из многих?

— Я не говорил «просто».

— А как мне объяснить дочери, что ее отец больше не хочет жить с ее матерью?

— Скажем правду.

— Какую?

— Что мы приняли решение расстаться.

— Мы?

Сергей посмотрел на меня.

— Вика, это формулировка.

— Нет. Это ложь. Ты принял решение. Один. Я узнала о нем сегодня.

Он потер лицо ладонью.

— Хорошо. Скажем, что я решил уйти. Тебе от этого станет легче?

Мне захотелось заплакать.

Не от самого вопроса, а от того, с какой усталой раздраженностью он был задан.

— Ты хоть понимаешь, что с нами происходит?

— Понимаю.

— Тогда почему у меня такое чувство, что ты хочешь поскорее закончить разговор и заняться чем-то более важным?

Сергей долго не отвечал.

Потом сказал:

— Я не хочу, чтобы Лиза оказалась между нами. Не надо превращать дочь в судью и заставлять ее выбирать сторону.

Я кивнула.

Это было единственное разумное предложение, которое он произнес за весь вечер.

— Я не собираюсь заставлять ее выбирать, — ответила я. — Она наша дочь. И останется ею независимо от того, что ты решил.

— Хорошо.

Он снова посмотрел на часы.

На этот раз я ничего не сказала.

Разговор продолжался почти два часа.

Мы возвращались к одним и тем же вопросам, но не потому, что мне нравилось повторяться.

Я пыталась найти хоть что-нибудь, за что можно было ухватиться: конкретную причину, событие, ошибку, которую мы могли исправить.

Сергей все чаще отвечал коротко и раздраженно. Он говорил о накопившейся усталости, о том, что люди меняются, о необходимости уважать чужие решения.

Иногда в его словах было что-то знакомое. Те же интонации, с которыми он раньше объяснял мне сложные служебные ситуации.

Только теперь речь шла о нас.

В какой-то момент он сказал, что последние годы мы больше напоминали соседей, чем супругов.

Я вспомнила прошлые новогодние праздники.

Лиза приехала на несколько дней, мы наряжали елку, спорили о том, где поставить стол, а Сергей возился с гирляндой, потому что одна секция перестала гореть.

Потом мы втроем смотрели старые фотографии.

Поздно вечером дочь ушла к подруге, а Сергей принес из кухни чай и сел рядом со мной.

Он положил голову мне на плечо.

Я тогда спросила, не устал ли он.

«Устал, — ответил он. — Но дома хорошо».

Я помнила эти слова.

Помнила тяжесть его головы на своем плече, запах чая, тихую музыку из телевизора.

Неужели все это было только привычкой?

— А в прошлом декабре? — спросила я.

Сергей поднял глаза.

— Что в декабре?

— Когда Лиза приезжала. Ты помнишь тот вечер?

— Какой именно?

— Мы сидели на диване, смотрели фотографии. Ты сказал, что тебе хорошо дома.

Он устало выдохнул.

— Вика, нельзя же каждую минуту прошлого превращать в доказательство.

— Я не пытаюсь ничего доказывать. Просто хочу понять, ты тогда уже был несчастлив?

Сергей помолчал.

— Я не анализировал свои чувства каждую минуту.

— А когда начал?

Он отвел взгляд.

Меня поразило это движение.

Сергей редко избегал прямых вопросов.

На службе он привык отвечать уверенно, даже если ситуация была сложной.

Сейчас же словно боялся назвать что-то определенное.

Я подошла к столу и убрала одну из тарелок.

Мясо давно остыло. Картофель под крышкой стал влажным, а цветы немного поникли.

— Ты хоть понимаешь, что я сегодня сделала? — спросила я.

Сергей посмотрел на тарелку.

— Приготовила ужин.

— Я вспоминала наши первые годы. Выбирала фотографии. Хотела сделать тебе альбом.

Он опустил глаза.

— Вика...

— Не перебивай. Я думала, что у тебя трудный период и мы сможем поговорить. Хотела напомнить тебе, сколько хорошего у нас было. А ты привез документы на развод.

Я поставила тарелку на поднос.

Руки наконец начали дрожать.

Сергей поднялся.

— Давай я помогу.

— Не надо.

— Виктория.

— Пожалуйста, оставь меня на минуту.

Он отступил.

Я отнесла посуду на кухню.

Там поставила тарелки в раковину и оперлась руками о столешницу.

Мне хотелось позвонить Оксане.

Хотелось услышать знакомый голос, чтобы кто-нибудь сказал, что я не схожу с ума.

Но я представила, как произнесу вслух: «Сергей хочет развестись», — и поняла, что пока не могу.

Слова становились слишком настоящими, когда их приходилось говорить другому человеку.

Я открыла холодильник.

На верхней полке стоял торт.

Коробка была перевязана темно-красной лентой.

Я купила его утром, специально заехав в кондитерскую перед работой.

Теперь не знала, что с ним делать.

Выбросить?

Угостить завтра преподавателей?

Оставить Сергею?

От последней мысли меня передернуло.

Я закрыла холодильник.

В коридоре послышались шаги.

Сергей вошел на кухню.

— Я постелю себе в гостевой комнате, — сказал он.

Я медленно повернулась.

— Что?

— Пока мы не решим, как будем жить дальше, я останусь там. Не хочу создавать тебе неудобства.

— Ты серьезно считаешь, что сейчас вопрос в том, где ты будешь спать?

Он посмотрел на меня.

— А что ты предлагаешь?

Я не нашлась с ответом.

Действительно, что я могла предложить?

Встать на колени и умолять его остаться?

Выставить чемодан за дверь?

Отвезти его к матери, которой уже давно не было в живых?

Сергей стоял передо мной с таким видом, словно все происходящее было тяжелым, но необходимым бытовым мероприятием.

И вдруг я заметила одну странность.

За весь вечер он ни разу не сказал, что хочет попробовать сохранить отношения, не предложил пожить отдельно, не спросил, можно ли что-то исправить. Даже не попытался объяснить, почему не решился поговорить раньше.

Все его слова касались только того, как нам удобнее расстаться.

Я посмотрела на мужа.

— Сережа, скажи мне одну вещь.

Он устало выпрямился.

— Что?

— Ты действительно сам этого хочешь?

В его глазах мелькнуло раздражение.

— Мы уже говорили об этом.

— Я знаю. Но ответь честно. Это твое решение?

— Конечно.

— Никто на тебя не давит? Ничего не произошло такого, о чем ты не можешь мне рассказать?

— Виктория, перестань искать тайные причины.

— Тогда посмотри на меня.

Сергей поднял глаза.

— Я смотрю.

— Ты ведь понимаешь, что мы можем поговорить о чем угодно? Если у тебя проблемы, если ты чего-то боишься... Я не чужая тебе.

Он молчал.

Я сделала шаг ближе.

— Я была рядом, когда ты только начинал служить. Когда мы жили в той ужасной квартире с промерзающими окнами. Когда тебе пришлось уехать почти на полгода, а Лиза заболела и я не знала, к кому обратиться. Мы ведь пережили столько всего. Почему сейчас ты не можешь просто сказать мне правду?

Сергей отвел взгляд.

Это движение было почти незаметным.

Но я вдруг почувствовала, что чего-то не знаю.

Чего-то очень важного.

Весь вечер я думала о его службе, возрасте, усталости, здоровье.

Перебирала десятки объяснений, потому что ни одно не подходило мужчине, которого я знала.

А теперь вспомнила, как он смотрел в телефон за завтраком. Как выходил разговаривать на балкон, хотя раньше никогда этого не делал. Как однажды вернулся из командировки с запахом незнакомых духов на шарфе, а когда я спросила, кто пользовался его вещами, раздраженно ответил, что мы все сидели в одном автомобиле.

Тогда мне стало стыдно за собственную подозрительность.

Я даже извинилась.

Сейчас это воспоминание вернулось так отчетливо, что у меня пересохло во рту.

— Сергей.

— Что?

Я почти не узнала свой голос.

— У тебя есть другая женщина?

Он застыл.

Всего на мгновение.

Потом медленно опустил руки.

Я смотрела на него и ждала.

Он мог возмутиться.

Мог рассердиться.

Мог спросить, как мне такое пришло в голову.

Но Сергей молчал.

И в этом молчании было гораздо больше смысла, чем во всех его объяснениях за сегодняшний вечер.

— Ответь, — попросила я.

— Вика, давай не будем сейчас...

— У тебя есть другая женщина?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Да.

Я не сразу осознала услышанное.

Он произнес это тихо, совершенно спокойно.

Словно подтвердил, что завтра будет дождь.

— Давно? — спросила я.

Сергей провел ладонью по лицу.

— Это сложный разговор.

— Для меня не сложный. Один вопрос. Давно?

— Несколько месяцев.

Несколько месяцев.

В июне мы выбирали мебель.

В июле он ездил в Москву.

В августе я сидела одна на даче и ждала, когда он освободится от работы.

Мне захотелось пересчитать дни, но я не могла сосредоточиться.

— Кто она?

Сергей медленно выдохнул.

— Вика, я понимаю, что тебе хочется узнать подробности, но сейчас это ничего не изменит.

— Кто она, Сергей?

— Давай поговорим завтра.

Я смотрела на мужчину, которому стирала рубашки, когда у нас не было денег на хорошую технику, которого ждала из командировок. Которому доверяла не только свои радости, но и самые неприятные, стыдные страхи.

Он стоял в нашей кухне и говорил, что имя женщины, ради которой собирается оставить меня, ничего не изменит.

Я вдруг вспомнила, как много лет назад Лиза впервые серьезно заболела. Ей было меньше года. Сергей тогда вернулся домой после двух бессонных суток, а я сидела на полу возле кроватки и плакала от усталости.

Он опустился рядом, обнял меня и сказал:

«Ты никогда не останешься одна, слышишь? У нас все будет вместе».

Я верила ему не по наивности: он много раз подтверждал эти слова поступками.

Теперь Сергей смотрел на меня и ждал, когда я перестану задавать неудобные вопросы.

— Ты ее любишь? — спросила я.

Он не ответил сразу.

Но я уже знала.

— Да, — произнес он наконец. — Думаю, да.

От его осторожного «думаю» стало только хуже.

Я обошла стол и села.

Мне не хотелось плакать при нем.

Я упрямо смотрела на скатерть, на крошечную темную нитку возле края, которую, видимо, не заметила, когда гладила.

Сергей подошел ближе.

— Вика...

— Не надо.

— Я не хотел, чтобы все так получилось.

Я подняла голову.

— А как ты хотел?

Он растерялся.

— Что?

— Как именно ты собирался мне это сказать? В другой день? После отпуска? Когда закончишь оформлять документы?

— Я долго не мог решиться.

— Но решился именно сегодня.

— Я не выбирал специально годовщину.

— Ты же сказал, что помнил о ней.

Он замолчал.

Я смотрела на него и впервые за вечер не пыталась найти оправдание.

Сергей действительно помнил дату, знал, что я буду ждать его, что мы обычно отмечаем этот день вместе. И все равно приехал с подготовленными документами.

Может быть, он считал, что затягивать разговор было бы нечестно.

Может быть, просто хотел наконец освободиться от необходимости притворяться.

Я не знала.

И мне больше не хотелось угадывать за него.

— Я пойду к себе, — сказал Сергей. — Тебе нужно отдохнуть. Утром поговорим спокойнее.

В другое время я бы сказала, что спать не хочу. Попросила бы его остаться, потому что мы еще ничего не выяснили.

Но сейчас я только кивнула.

Он постоял, ожидая, наверное, чего-то еще.

Потом вышел.

Через минуту в коридоре тихо щелкнула дверь гостевой комнаты.

Я осталась сидеть за столом.

На белой скатерти стояли два бокала.

Я наполнила их еще до прихода мужа, но Сергей к своему даже не притронулся.

За окном наконец закончился дождь.

В соседней квартире выключили свет.

Я поднялась, достала из шкафа контейнеры и начала убирать ужин.

Мясо пришлось разложить в две емкости. Картофель я оставила в форме, накрыв фольгой. Овощи переложила в миску.

Я делала все тщательно, привычно, словно завтра у нас должен был состояться обычный семейный обед.

Потом открыла холодильник, чтобы освободить место.

Коробка с тортом мешала поставить контейнеры.

Я вынула ее и поставила на стол.

На наклейке кондитерской красивыми буквами было выведено:

«С годовщиной свадьбы!»

Я сама попросила сделать эту надпись.

Девушка за прилавком тогда спросила, сколько мы женаты.

«Двадцать семь лет», — ответила я.

Она улыбнулась и сказала, что это удивительно.

Я тоже улыбнулась.

Теперь я стояла перед тортом, который выбирала почти полчаса, и не могла решить, нужно ли убрать его обратно в холодильник.

В конце концов поставила коробку на нижнюю полку.

Посмотрела на часы.

Было уже за полночь.

Через несколько часов нужно было вставать на работу. Утром у меня была назначена встреча с матерью одного ученика, потом совещание с преподавателями, а после обеда я собиралась проверить счета.

Обычная суббота.

Мне предстояло открывать школу, разговаривать с людьми и принимать решения.

Я выключила свет на кухне.

В коридоре остановилась возле закрытой двери гостевой комнаты.

Изнутри доносился негромкий голос Сергея.

Он говорил по телефону.

Я не разобрала слов, только услышала короткий смешок.

Тот самый, низкий и немного хриплый, который когда-то так любила.

Я стояла неподвижно, прислушиваясь.

За весь вечер он ни разу так не засмеялся со мной.

Потом голос стих.

Я пошла в спальню, закрыла дверь и села на край кровати.

На тумбочке по-прежнему стояла наша фотография с моря.

Я взяла рамку, посмотрела на улыбающегося Сергея, потом осторожно поставила ее обратно.

Убирать фотографии я пока не собиралась. И звонить кому-нибудь тоже.

Мне нужно было сначала понять, как прожить завтрашний день рядом с человеком, который еще утром был моим мужем, а вечером признался, что любит другую женщину.

Я легла, но не выключила прикроватную лампу.

Из гостевой комнаты больше не доносилось ни звука.

В половине второго я услышала, как Сергей прошел на кухню, открыл холодильник и чем-то негромко звякнул.

Через несколько минут он вернулся.

Я знала этот звук шагов лучше собственного дыхания.

Двадцать семь лет я просыпалась, когда он возвращался поздно, и почти всегда засыпала снова, едва услышав, что он дома.

Теперь я лежала с открытыми глазами и прислушивалась к тому, как мой муж ходит по нашей квартире.

Он был дома.

Но впервые за все годы его возвращение не принесло мне спокойствия.

Глава 2. Имя на обороте

Утром я проснулась от звука кофемолки.

Сергей включал ее каждую субботу, хотя я много раз просила подождать хотя бы до восьми. Он утверждал, что молотый кофе теряет аромат, а по выходным у человека должно быть право на маленькие удовольствия.

Раньше я ворчала, натягивала одеяло на голову и через несколько минут все равно вставала. Сергей наливал мне первую чашку, потому что знал: если выпьет обе сам, придется выслушать длинную лекцию о семейном эгоизме.

Сегодня я лежала неподвижно и смотрела на потолок.

За окном было серо. Ночью, видимо, снова пошел дождь. По подоконнику негромко постукивали капли, а из кухни доносился привычный звон посуды.

Несколько секунд мне казалось, что ничего не произошло.

Потом я вспомнила вчерашний разговор.

Сергей хотел развестись. У него была другая женщина. Он любил ее или, по собственному признанию, думал, что любит.

Я закрыла глаза.

За ночь ничего не изменилось. Только теперь мне предстояло прожить целый день с этим знанием.

На часах было семь сорок.

В девять меня ждали в школе. Я обещала встретиться с матерью одного из учеников, затем проверить расписание и обсудить с преподавателями подготовку к осеннему концерту. Можно было позвонить Нине Павловне и попросить перенести встречи. Она бы согласилась, даже не спрашивая причин.

Но тогда пришлось бы остаться дома.

Я представила, как буду сидеть в спальне, прислушиваться к шагам Сергея и ждать, когда он снова заговорит о разводе. Или, что еще хуже, сделает вид, будто вчерашнего разговора не было.

Я поднялась.

В ванной на краю раковины лежала его бритва. Рядом стоял мой крем для лица, а под зеркалом — два стакана с зубными щетками. В одном у Сергея хранились еще и маленькие ножницы, которыми он когда-то подравнивал усы, хотя перестал носить их лет пятнадцать назад.

Я долго смотрела на эти вещи.

Невозможно было поверить, что человек собирается уйти из семьи, когда его зубная щетка по-прежнему стоит рядом с твоей.

Умывшись, я надела домашние брюки и свитер. Волосы собрала резинкой, которую нашла на стиральной машине.

В коридоре пахло кофе.

Сергей сидел за кухонным столом с телефоном. Перед ним стояла чашка и тарелка с бутербродом. Увидев меня, он положил телефон экраном вниз.

Прежде я бы не обратила на это внимания, теперь заметила сразу.

— Доброе утро, — сказал он.

Я остановилась возле холодильника. «Доброе утро» — какое странное выражение. Будто вечером мы просто немного повздорили из-за немытой посуды.

— Доброе.

— Кофе будешь?

— Да.

Сергей поднялся, достал из шкафа мою чашку и поставил под кофемашину.

Я машинально отметила, что он помнил, сколько воды мне нравится и какую крепость я обычно выбираю. Вчера вечером он не мог объяснить, когда перестал любить меня, зато сейчас безошибочно нажал нужную кнопку.

— Ты почти не спала? — спросил он.

— А ты?

— Тоже плохо.

На его лице действительно были заметны следы усталости. Он не побрился, волосы после душа еще оставались влажными. На безымянном пальце поблескивало обручальное кольцо.

Я посмотрела на него и вдруг почувствовала сильное желание спросить, почему он до сих пор его носит.

Но вместо этого села.

Сергей поставил передо мной кофе.

— Я вчера, наверное, слишком резко все сказал.

Я подняла глаза.

Сердце болезненно дрогнуло.

— Что именно?

— Насчет развода. Нужно было выбрать другое время.

Я подождала продолжения.

Он взял свою чашку.

— Но само решение от этого не меняется.

Я отвернулась к окну. Вот и все. Он сожалел лишь о том, что выбрал неудобный день для объявления, а не о самом решении. Говорить о нас по-прежнему не собирался.

— Сергей, я хочу знать, кто она.

Он медленно поставил чашку.

— Вика...

— Вчера ты сказал, что у тебя есть другая женщина. Я всю ночь думала об этом. Неужели ты правда считаешь, что я не имею права даже узнать ее имя?

Он провел ладонью по столу, словно стирал невидимую крошку.

— Надежда.

Я почувствовала, как сжалось горло.

— Какая Надежда?

Сергей посмотрел на меня. И по тому, как он задержался с ответом, я поняла: имя должно было быть мне знакомо.

— Вересова, — сказал он. — Надежда Вересова.

Я медленно опустила чашку.

В памяти возникла фотография. Старый снимок, на котором молодой Сергей стоял рядом с темноволосой девушкой.

Я видела его много лет назад.

— Твоя Надя?

Сергей поморщился.

— Не нужно так говорить.

— Как?

— Ты прекрасно понимаешь.

— Нет, Сергей. Я действительно хочу понять. Это та самая Надежда, на которой ты собирался жениться до знакомства со мной?

Он кивнул.

Я смотрела на него, не находя слов.

За двадцать семь лет брака имя Надежды Вересовой всплывало в наших разговорах всего несколько раз. В молодости Сергей рассказывал мне о ней довольно спокойно. Говорил, что это были первые серьезные отношения, что они не сошлись характерами и расстались, потому что Надежда не захотела ехать за ним к новому месту службы.

Тогда я даже сочувствовала этой неизвестной девушке.

Мне казалось, что выбрать между любимым человеком и собственными планами в двадцать лет было непросто.

Сергей однажды сказал, что нисколько не жалеет об их расставании, потому что иначе не встретил бы меня.

Я помнила этот разговор до мелочей. Мы тогда возвращались от его друзей, я немного замерзла и грела пальцы под его курткой. Он смеялся, называл меня маленькой печкой наоборот, а потом внезапно сказал, что ему невероятно повезло.

— Когда вы встретились? — спросила я.

— Весной.

— В Москве?

— Да.

— Случайно?

— На встрече старых знакомых. Я даже не знал, что она там будет.

— И ты сразу решил, что хочешь развестись?

— Конечно, нет.

Он ответил слишком быстро.

Я сделала глоток кофе и едва не обожгла язык.

— Тогда расскажи, как все произошло.

Сергей посмотрел на часы, висевшие над дверью.

— У тебя разве не работа сегодня?

— В девять. У меня еще есть время.

Он помолчал.

— Мы встретились, поговорили. Потом начали созваниваться. Оказалось, у нас много общего.

— Например?

— Вика, зачем тебе подробности?

— Потому что вчера ты сообщил, что хочешь оставить меня ради женщины, которую не видел больше тридцати лет. Мне хотелось бы понять, что между вами произошло за несколько месяцев.

— Мы не просто несколько месяцев знакомы.

— Да. Вы встречались, когда тебе было двадцать с небольшим. Потом ты женился на мне, у нас родилась дочь, и мы прожили вместе двадцать семь лет. Я ничего не упустила?

Сергей сжал губы.

— Я понимаю, что ты обижена.

Меня вдруг охватило такое раздражение, что пришлось поставить чашку подальше.

— Перестань говорить со мной так, будто я капризный ребенок. Я не обижена, потому что ты забыл поздравить меня с днем рождения. Ты изменил мне, Сергей. И теперь собираешься развестись.

Он отвел взгляд.

— Я не горжусь тем, как все получилось.

— А чем ты гордишься?

— Вика, не надо.

— Ты сам начал говорить о своих чувствах. Тогда давай хотя бы честно.

Сергей поднялся и подошел к раковине.

Я смотрела на его широкую спину, на домашнюю серую футболку, которую купила ему прошлой зимой, и не могла поверить, что мы обсуждаем его отношения с другой женщиной.

— Надя сейчас свободна, — сказал он наконец. — Она развелась.

— Как удобно.

— Это произошло еще до нашей встречи.

— А ты не развелся.

Он повернулся.

— Именно поэтому я и хочу все оформить.

Я рассмеялась.

— Значит, ты решил сначала завести роман, а потом уже заняться формальностями?

— Ты специально выбираешь самые неприятные выражения.

— Какие еще выражения подходят?

Сергей молчал.

Я посмотрела на его обручальное кольцо.

— Она знает, что ты женат?

— Конечно.

— И знает, что до вчерашнего вечера я ничего не подозревала?

Он не ответил.

Мне стало ясно, что на этот вопрос я не получу честного ответа — по крайней мере сейчас.

Я встала, отнесла чашку к раковине и включила воду.

— Я еду на работу.

— Мы не договорили.

Я обернулась.

— Ты вчера хотел закончить разговор как можно быстрее. А теперь вдруг решил продолжить?

— Нам все равно придется обсуждать практические вопросы.

— Обсудим. Но сначала я должна прийти в себя.

Сергей кивнул.

В его лице появилось то самое выражение, которое я хорошо знала: он считал, что поступил разумно, а я пока просто не способна это оценить.

Я вышла из кухни, не дожидаясь ответа.

По дороге в школу я дважды останавливалась на светофорах и оба раза обнаруживала, что не помню, как проехала предыдущий перекресток.

Пришлось выключить радио и открыть окно.

Холодный воздух немного привел меня в чувство.

Надежда Вересова.

Фамилия звучала необычно, и я до сих пор хорошо ее помнила.

Когда-то мне казалось, что первая любовь мужа — часть его биографии, не имеющая никакого отношения к нашему браку. Как школа, в которой он учился, или город, где проходил первые годы службы.

Я знала, что у него были отношения до меня. У меня тоже была своя жизнь до Сергея, и в этом не было ничего страшного.

Но теперь выходило, что женщина из прошлого снова появилась рядом с ним и заняла место, которое двадцать семь лет принадлежало мне.

На парковке возле школы я просидела несколько минут, не решаясь выйти из автомобиля.

Потом поправила волосы, достала из сумки помаду и посмотрела в зеркало.

Под глазами залегли тени. Лицо было бледным.

Я нанесла немного помады, растерла ее пальцем и закрыла зеркальце.

В девять двадцать у меня была назначена встреча с Еленой Сергеевной, матерью одиннадцатилетнего Кирилла. Мальчик занимался фортепиано третий год, способностей у него было достаточно, но на последних уроках он упорно отказывался играть программу для конкурса.

Елена Сергеевна считала, что преподаватель недостаточно требователен. Тамара Егоровна считала, что Кирилл устал.

Я подозревала, что обе правы только отчасти.

— Виктория Андреевна!

Нина Павловна встретила меня возле лестницы.

— Вы сегодня рано. Елена Сергеевна уже пришла, сидит возле кабинета и недовольна тем, что ее попросили подождать.

— Почему?

— Потому что записана на девять двадцать, а сейчас девять двенадцать.

Я невольно улыбнулась.

— Тогда у нее еще восемь минут, чтобы подготовить претензии.

Нина Павловна внимательно посмотрела на меня.

— С вами все хорошо?

— Да.

— Вы плохо выглядите.

— Спасибо, Нина Павловна. Именно это мне и хотелось услышать в субботу утром.

— Я не со зла.

— Знаю.

Она помолчала.

— Может, принести чай?

— Лучше найдите мне расписание Кирилла за последние два месяца. И попросите Тамару Егоровну зайти ко мне после встречи.

Нина Павловна кивнула и поспешила к лестнице.

Я прошла в кабинет, повесила пальто и открыла окно.

С улицы доносился шум машин. Внизу родители провожали детей к входу, кто-то торопливо закрывал зонтик, кто-то пытался застегнуть куртку на сопротивляющемся ребенке.

В школе все было привычным.

На столе лежали вчерашние заявления. На подоконнике стоял фикус, который мы упорно пытались спасти от сквозняков. Возле шкафа прислонили новую подставку для нот, потому что никто не решил, в какой класс ее поставить.

Я села и открыла компьютер.

На несколько минут работа действительно помогла.

Елена Сергеевна вошла ровно в назначенное время.

Высокая, тщательно причесанная женщина лет сорока, с сумкой, в которую, судя по размеру, можно было положить небольшой чемодан.

— Виктория Андреевна, я хочу понять, что у вас происходит с преподаванием. Мы платим немалые деньги.

Я предложила ей сесть.

— Давайте сначала разберемся, что именно вас беспокоит.

— Кирилл должен был участвовать в областном конкурсе. Нам обещали подготовку, а теперь Тамара Егоровна говорит, что он пока не готов.

— Она объяснила причину?

— Сказала, что у ребенка проблемы с произведением. Но ведь для этого мы и ходим заниматься!

Я попросила показать записи последних уроков.

Елена Сергеевна достала телефон и открыла переписку с преподавателем.

Через несколько минут выяснилось, что Кирилл последние три недели не выполнял домашние задания, потому что одновременно готовился к школьной олимпиаде и посещал дополнительные занятия по английскому.

— Ему просто не хватает времени, — объяснила мать. — Но если он будет заниматься недостаточно, мы никогда ничего не добьемся.

Я посмотрела на женщину.

— А чего хочет сам Кирилл?

Она растерялась.

— В каком смысле?

— Он хочет участвовать в этом конкурсе?

— Он талантливый ребенок.

— Я не сомневаюсь. Но спрашиваю о другом.

Елена Сергеевна опустила телефон.

— Он говорит, что устал.

— Тогда, возможно, стоит немного изменить нагрузку.

Мы разговаривали почти сорок минут.

Я предложила не отказываться от выступлений полностью, но перенести конкурсную программу на более поздний срок. Объяснила, что ребенку необходимо время не только для занятий, но и для обычной жизни.

В конце встречи Елена Сергеевна уже не сердилась.

Она попросила составить новый график и пообещала поговорить с сыном.

Когда дверь закрылась, я несколько секунд сидела неподвижно. В течение всей встречи я ни разу не подумала о Сергее — и только сейчас заметила это.

Еще час назад мне казалось, что я не смогу сосредоточиться даже на простом разговоре.

А здесь я спокойно обсуждала расписание, приводила аргументы, задавала вопросы и находила решения.

Я оставалась собой, несмотря на то, что дома происходило нечто, совершенно не укладывавшееся в привычную жизнь.

В дверь постучали.

— Можно? — спросила Тамара Егоровна.

Я кивнула.

Она вошла с нотной папкой под мышкой.

Тамаре Егоровне было шестьдесят восемь, и почти сорок из них она преподавала музыку. Когда я была студенткой, она работала в училище, где я занималась. Позже несколько лет помогала нашей школе, а теперь вела занятия три дня в неделю.

— Что там наша беспокойная мама? — спросила она.

— Надеюсь, немного успокоилась.

— Кирилла жалко. Он хороший мальчик, но у него в расписании свободных минут меньше, чем у министра.

Я невольно рассмеялась.

Тамара Егоровна положила папку на стол.

— Я ему вчера сказала: если не хочешь играть конкурсную программу, сыграем что-нибудь другое. Он так обрадовался, что чуть стул не опрокинул.

— Правильно сказали.

— А мать?

— Мы договорились. Пока уберем конкурс из ближайших планов.

Она довольно кивнула.

Потом посмотрела на меня внимательнее.

— Виктория, ты что-то совсем бледная.

Я отвела взгляд к компьютеру.

— Не выспалась.

— Сергей приехал?

— Да.

— Годовщину отметили?

Я задержала руку на мышке.

Вопрос был совершенно обычным.

Тамара Егоровна знала Сергея много лет. Он приезжал на школьные концерты, помогал перевозить оборудование, иногда привозил цветы преподавателям перед праздниками.

Мне вдруг захотелось рассказать ей все.

Но я представила, как она изменится в лице, как начнет расспрашивать и жалеть меня, и поняла, что не готова.

— Отметили, — сказала я.

Ложь далась неожиданно легко.

Тамара Егоровна открыла папку и начала рассказывать о новом ученике, у которого обнаружился абсолютный слух.

Я слушала ее, делала пометки и старательно возвращала мысли к работе.

Только когда она вышла, я опустила голову на сложенные руки.

Мне было стыдно за собственное желание скрыть происходящее от людей, которые давно считали нашу семью счастливой. Не за Сергея — за себя.

Я ведь и сама так считала.

В половине второго позвонила Оксана.

Я увидела ее имя на экране и несколько секунд не решалась ответить.

Потом все-таки нажала зеленую кнопку.

— Ну что, именинница супружеской жизни, — начала она, — как прошел вчерашний вечер? Сергей оценил твой торт?

Я молчала.

— Вик?

— Оксан, я на работе.

— Я знаю. Просто хотела спросить, как вы отметили.

— Никак.

На другом конце стало тихо.

— Поссорились?

Я посмотрела на закрытую дверь кабинета.

— Сергей хочет развестись.

Оксана не сразу ответила.

— Что?

— Вчера приехал из Москвы и сказал, что хочет развода.

— Подожди. Он тебе это на годовщину сообщил?

— Да.

— Вика...

Я услышала, как она чем-то стукнула. Кажется, положила на стол телефон, потом взяла снова.

— Что случилось?

— У него другая женщина.

Оксана выругалась.

Я неожиданно улыбнулась. Не потому, что было смешно, а потому, что она произнесла именно то слово, которое мне самой хотелось сказать со вчерашнего вечера.

— Кто? — спросила подруга.

— Его первая любовь.

— Какая еще первая любовь?

— Надежда Вересова. Они встречались до нашего знакомства.

— Он что, совсем с ума сошел?

— Не знаю.

— Сколько они вместе?

— Несколько месяцев. По крайней мере, так он говорит.

Оксана молчала.

Потом спросила уже другим голосом:

— Ты сейчас где именно?

— В кабинете.

— Одна?

— Да.

— Я могу приехать.

— Не надо. У меня еще дела.

— Вика, брось ты эти дела.

— Оксан, пожалуйста. Если я сейчас поеду домой и сяду на диван, мне станет только хуже.

Она тяжело вздохнула.

— Хорошо. Но вечером ты мне позвонишь.

— Позвоню.

— И ничего не подписывай.

Я посмотрела на папку с договорами, лежавшую на краю стола.

— Что?

— Все, что он тебе предложит. Не подписывай, пока не поговоришь с нормальным юристом.

— Откуда ты знаешь, что он что-то предложил?

— Потому что я знаю твоего Сергея. Он двадцать семь лет привык все организовывать заранее.

Я почувствовала неприятный холод.

— Ты права. Он вчера привез документы.

Оксана снова выругалась.

— Вот именно. Значит, ты сначала успокоишься, потом разберешься с бумагами. И если понадобится, я помогу найти юриста.

— Спасибо.

— Не за что. И, Вика...

— Что?

— Не пытайся сейчас решить все за один день.

Я посмотрела на часы.

— Мне пора, Оксан.

Мы попрощались.

Я положила телефон и некоторое время сидела, глядя на школьный двор.

Оксана не стала говорить, что все обязательно наладится. Не уверяла, что Сергей еще пожалеет, и не требовала немедленно выставить его из квартиры. Я была ей особенно благодарна: ничего пока не налаживалось, и я совершенно не знала, что будет дальше.

Домой я вернулась около четырех.

Возле подъезда стоял автомобиль Сергея.

Я остановилась на парковке, но выходить не спешила.

За последний день квартира успела превратиться в место, куда мне не хотелось возвращаться.

При этом другого дома у меня не было.

Я сама выбирала плитку в ванной, спорила с мастером из-за кухонных шкафов, несколько месяцев откладывала деньги на хороший диван. Здесь выросла Лиза. Здесь лежали мои книги, висели фотографии, стояла старая швейная машинка, доставшаяся от мамы.

И теперь мне предстояло жить среди всех этих вещей, зная, что муж мысленно уже переехал к другой женщине.

Я поднялась на лифте.

Сергей сидел в кабинете. Дверь была приоткрыта, изнутри доносился звук работающего телевизора.

Он услышал, как я вошла, и выглянул в коридор.

— Ты вернулась?

— Как видишь.

— Я думал, позже будешь.

— Все сделала.

Он кивнул.

Я сняла пальто и повесила его на привычное место.

Между нашими куртками оставалось немного свободного пространства. Раньше Сергей постоянно жаловался, что я занимаю почти весь шкаф, хотя половина моих вещей висела в спальне.

Я стояла перед открытой дверцей и думала, сколько еще бессмысленных семейных мелочей будет возвращаться в память.

— Ты обедала? — спросил он.

— Да.

— Я заказал еду. Если хочешь, там осталось.

— Спасибо.

Сергей задержался возле двери.

— Нам бы надо продолжить разговор.

Я медленно повернулась.

— Сейчас?

— А когда?

— Не знаю. Ты так торопишься?

Он вздохнул.

— Вика, чем дольше мы будем откладывать, тем тяжелее станет.

— Кому?

— Обоим.

Я посмотрела на него.

— Сережа, ты уже несколько месяцев живешь так, как считаешь нужным. Я узнала обо всем вчера. Может быть, мне нужно немного больше времени, чем тебе?

Он помолчал.

— Хорошо.

И снова ушел в кабинет.

Я прошла в спальню.

Первым делом открыла шкаф и достала коробку с фотографиями: мне нужно было найти один снимок. Мучить себя воспоминаниями не хотелось.

Я помнила, что видела его много лет назад. Еще до рождения Лизы, когда мы с Сергеем разбирали вещи после очередного переезда.

В коробке лежали фотографии из наших отпусков, снимки маленькой дочери, старые открытки, несколько писем.

Большинство фотографий мы давно перенесли в электронные альбомы, но оригиналы я сохранила.

На одной Сергей стоял возле старой машины в военной форме. На другой держал новорожденную Лизу так осторожно, словно боялся причинить ей боль.

Я перелистала несколько конвертов.

Нужный снимок нашелся почти на самом дне.

Молодой Сергей стоял рядом с девушкой на фоне кирпичного здания. У нее были густые темные волосы, широкая улыбка и светлая блузка с короткими рукавами.

Она держала его под руку.

Сергей выглядел счастливым, буквально сиял. Это было совсем другое счастье, чем спокойная близость после многих лет совместной жизни.

Я перевернула фотографию.

На обороте синими чернилами было написано:

«Сережа и Надя. Август 1994».

Почерк был женский.

Я долго смотрела на надпись.

Август 1994 года.

Тридцать два года назад.

Тогда я еще училась, жила с родителями и совершенно не представляла, что через несколько лет выйду замуж за военного.

Сергей был молодым офицером.

Надежда, судя по фотографии, примерно моего возраста на момент нашего знакомства.

Я перевернула снимок обратно.

У нее было красивое лицо. Не идеальное, не похожее на лица женщин из рекламы, а живое и открытое. Она немного щурилась от солнца, и возле глаз собирались мелкие складочки.

Меня вдруг охватила нелепая ревность к этой молодой девушке, хотя она давно перестала быть такой.

Сейчас Надежде пятьдесят три, если я правильно помнила рассказы Сергея.

За прошедшие годы она наверняка изменилась не меньше, чем мы.

Но в памяти моего мужа, возможно, все еще жила именно эта женщина с фотографии.

Я попыталась представить их встречу.

Наверное, Сергей сначала не узнал ее. Или узнал сразу. Они вспомнили старых знакомых, посмеялись над собственными фотографиями, обменялись телефонами.

Может быть, она сказала, что он почти не изменился.

Мужчинам нравится такое слышать.

Особенно тем, кто приближается к шестидесяти и все чаще смотрит в зеркало с недовольством.

Я вспомнила, как Сергей недавно раздражался из-за седины.

Он всегда относился к внешности спокойно, но весной неожиданно начал тщательно выбирать рубашки, купил новый дорогой одеколон и несколько раз ходил в спортивный зал, хотя раньше предпочитал заниматься дома.

Я тогда обрадовалась.

Подумала, что он решил больше заботиться о здоровье.

Теперь эти воспоминания приобретали совсем другой смысл.

Я положила фотографию на кровать. Сергей и Надежда не виделись больше тридцати лет. А нас с ним связывали двадцать семь лет брака.

Почему-то эти цифры казались совершенно несопоставимыми.

Я знала, как он переносил простуду, какой суп терпеть не мог, почему не любил ездить за рулем ночью. Знала, как выглядела его мать в последние месяцы жизни и какие слова он не успел ей сказать.

Надежда помнила молодого мужчину, который еще только собирался строить карьеру.

И Сергей теперь хотел вернуться к ней.

Мне вдруг стало интересно, о чем они разговаривали.

О своих семьях?

О старых знакомых?

О том, как когда-то мечтали пожениться?

Рассказывал ли он ей о Лизе? Обо мне?

Или предпочитал делать вид, что все прошедшие годы были длинной досадной остановкой на пути к настоящему счастью?

Я услышала шаги за дверью и быстро положила фотографию обратно, но тут же остановилась. Почему я прятала ее?

Это была вещь из прошлого моего мужа. Я имела полное право смотреть на нее.

Сергей постучал и заглянул в спальню.

— Ты занята?

— Нет.

Он увидел коробку.

— Что ищешь?

— Старые фотографии.

Его взгляд остановился на снимке, который я снова взяла в руку.

Он подошел ближе.

Я протянула фотографию.

Сергей посмотрел на нее, и выражение его лица изменилось.

При мне он впервые за последние сутки улыбнулся по-настоящему.

Едва заметно, одним уголком рта.

Но я увидела.

— Даже не помнил, что она у нас сохранилась, — сказал он.

У нас.

Я не знала, почему это слово задело меня так сильно.

— Ты тогда был совсем другим, — произнесла я.

Сергей еще раз посмотрел на снимок.

— Молодым был.

— Счастливым?

Он поднял глаза.

— В тот момент, наверное.

— А потом?

— Что потом?

— После того как вы расстались.

Сергей вернул мне фотографию.

— Было непросто. Ты знаешь.

— Знаю. Ты рассказывал.

Он отошел к окну.

— Мы тогда оба были слишком упрямыми.

— Ты хотел, чтобы она поехала с тобой.

— Да.

— А она отказалась.

— У Нади были свои планы. Работа, учеба. Она не хотела бросать все ради моих переводов.

Я смотрела на его спину.

— А я бросала.

Сергей медленно повернулся.

— Что?

— Я уезжала с тобой. Несколько раз. Оставляла работу, перевозила вещи, искала новое место. Потом начинала сначала.

— Я помню.

— Ты никогда не считал это большой жертвой.

Он нахмурился.

— Виктория, я всегда был тебе благодарен.

— Раньше ты говорил, что именно поэтому мы и смогли построить семью.

— Так и было.

— А теперь получается, что женщина, которая отказалась ехать за тобой, была твоей настоящей любовью?

Сергей раздраженно выдохнул.

— Ты опять пытаешься все упростить.

— Нет. Я пытаюсь понять.

— Тогда пойми, что жизнь сложнее одного решения, принятого тридцать лет назад.

Я посмотрела на фотографию.

— Наверное.

Он подошел к кровати и сел на край.

Мы оказались рядом, как сотни раз прежде.

Но теперь между нами лежала фотография женщины, ради которой Сергей собирался уйти.

— Когда я встретил Надю, — сказал он после паузы, — мне показалось, будто этих лет и не было.

Я медленно подняла голову.

— Каких лет?

Он, кажется, не сразу понял, что сказал.

— Я имею в виду... Мы разговаривали так легко. Словно расстались совсем недавно.

— А наши двадцать семь лет?

Сергей потер лоб.

— Вика, пожалуйста. Я не говорю, что их не существовало.

— Но ты только что сказал, что тебе показалось, будто их не было.

— Это просто выражение.

Я убрала фотографию в коробку.

— Для тебя, может быть.

Он некоторое время сидел рядом.

Потом сказал:

— Мне жаль, что тебе приходится все это переживать.

Я посмотрела на его руки.

Они лежали на коленях, большие, знакомые, с небольшим шрамом возле указательного пальца. Сергей порезался, когда собирал Лизину первую кровать.

Я помнила, как промывала эту рану.

— Если тебе жаль, почему ты продолжаешь делать мне больно?

Он не ответил.

Я повернулась к нему.

— Ты ведь мог сказать раньше, что между нами что-то не так. Мог попросить пожить отдельно. Мог признаться, что встретил другую женщину, прежде чем ваши отношения зашли далеко.

— Я не знал, что делать.

— И поэтому решил ничего мне не говорить?

— Я пытался разобраться в себе.

— За мой счет.

Сергей поднялся.

— Мы опять ходим по кругу.

— Потому что ты не отвечаешь на мои вопросы.

— Я уже рассказал тебе правду.

Я посмотрела на него.

Нет, подумала я.

Он рассказал ту часть правды, которую сам считал необходимой.

Остальное по-прежнему оставалось за закрытой дверью.

Вечером Сергей уехал.

Сказал, что ему нужно встретиться с человеком по работе. Я не стала спрашивать, с кем именно.

Он мог говорить правду, мог ехать к Надежде, а мог просто хотеть выбраться из квартиры, где жена теперь задавала неприятные вопросы.

Мне было трудно принять, что я больше не знаю, чему верить.

После его ухода я прошла на кухню и попыталась приготовить ужин.

Достала из холодильника куриное филе, потом поняла, что совершенно не хочу есть.

Вернула мясо обратно.

Села за стол и позвонила Оксане.

Она ответила сразу.

— Я уже собиралась ехать к тебе без приглашения.

— Не надо. Я дома.

— Одна?

— Сергей уехал.

— К ней?

— Не знаю.

Оксана помолчала.

— Ты сегодня что-нибудь ела?

— Да.

— Что?

Я задумалась.

Утром выпила кофе. В школе Нина Павловна принесла мне булочку, но я оставила ее на столе.

— Кажется, ничего.

— Виктория!

— Оксан, не начинай.

— Сейчас приеду с едой.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы ты смотрела на меня и жалела.

Она вздохнула.

— Дурочка. Я двадцать лет на тебя смотрю. Иногда жалею, иногда злюсь, иногда вообще готова придушить. Это никак не мешает мне быть твоей подругой.

Я невольно улыбнулась.

— Спасибо.

— За что?

— Не знаю. Просто спасибо.

Мы разговаривали почти час.

Я рассказала ей о Надежде, о старой фотографии, о том, как Сергей утверждал, что чувствует себя рядом с первой любовью молодым.

Оксана слушала внимательно.

Потом спросила:

— А он сказал, что собирается делать дальше?

— Разводиться.

— Это я поняла. Жить где?

Я посмотрела на окно.

— Не знаю. Вчера говорил о продаже квартиры.

— Вы ведь ее вместе покупали.

— Конечно.

— Тогда пусть не делает вид, что может решить все сам.

— Он сказал, что не собирается оставлять меня без денег.

Оксана фыркнула.

— Какое благородство.

— Я почти то же самое ему ответила.

— И правильно.

Мы немного помолчали.

Потом она спросила:

— Ты его еще любишь?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что я не сразу нашлась с ответом.

— Не знаю.

— Вик...

— Правда не знаю. Я вчера смотрела на него и думала, что это какой-то чужой человек. А сегодня утром он приготовил мне кофе точно так, как я люблю. Потом я нашла наши фотографии, вспомнила молодость... И мне снова захотелось, чтобы все было как раньше.

Оксана не перебивала.

— Я не могу просто перестать его любить за одну ночь, — добавила я. — Даже если понимаю, что он поступил отвратительно.

— И не надо заставлять себя.

Я закрыла глаза.

— Мне страшно, Оксан.

— Чего?

Я долго подбирала слова.

— Что все эти годы я понимала его неправильно. Что думала, будто мы счастливы, а он просто терпел.

Оксана ответила не сразу.

— Вик, я не знаю, что сейчас у Сергея в голове. Но я помню, как он носился с тобой, когда ты сломала ногу. Помню, как вы выбирали квартиру, как он возился с Лизой. Я своими глазами видела, что он тебя любил.

Я почувствовала, что к глазам подступают слезы.

— Тогда почему он так говорит?

— Возможно, ему сейчас выгоднее думать, что все было плохо. Иначе придется признать, что он разрушает что-то хорошее.

Я вытерла лицо ладонью.

— Ты считаешь?

— Я считаю, что ты не обязана верить его сегодняшней версии вашего прошлого.

После разговора я наконец разогрела себе немного вчерашнего картофеля.

Ела прямо на кухне, не накрывая стол.

Торт по-прежнему стоял в холодильнике.

Я достала его, сняла ленту и отрезала маленький кусок.

Крем оказался слишком сладким.

Вишня — кислой.

Возможно, в кондитерской изменили рецепт.

А возможно, мне просто было не до вкуса.

Сергей вернулся около девяти.

Я сидела в гостиной с книгой, которую не могла читать. За полтора часа осилила шесть страниц и несколько раз возвращалась к началу.

Он снял пальто, прошел в кухню, налил воды.

Потом появился в дверях гостиной.

— Ты не спишь?

— Пока нет.

— Можем поговорить?

Я положила книгу.

— О чем?

— О квартире.

Я почувствовала, как снова начинает расти раздражение.

— Сергей, неужели ты правда считаешь, что это сейчас единственный важный вопрос?

— Нет. Но он один из тех, которые придется решать.

— Ты уже все продумал?

Он немного помолчал.

— В общих чертах.

— Тогда рассказывай.

Сергей сел напротив.

Я обратила внимание, что он переоделся. На нем была другая рубашка, та, которую я не видела утром.

Раньше я могла бы спросить, где он успел переодеться.

Теперь не хотела знать.

— Я думаю, квартиру лучше продать, — начал он. — Разделим деньги и каждый приобретет жилье по своему усмотрению.

— Почему именно продать?

— Потому что она большая. Тебе одной четыре комнаты ни к чему.

— Я еще не решила, где буду жить.

— Вот поэтому и предлагаю нормальный вариант.

— А если я захочу оставить квартиру себе?

Сергей удивился.

— И выплатить мне половину стоимости?

— Возможно. Я не считала.

— Вика, это слишком большие деньги.

— Я понимаю.

— Тогда зачем обсуждать заведомо неудобный вариант?

— Потому что это моя квартира тоже. И я имею право рассмотреть все возможности.

Он помолчал.

— Хорошо. Рассмотрим.

Я смотрела на него и пыталась понять, почему он так настойчиво возвращается к продаже.

Мы жили здесь много лет.

Квартира была не просто дорогой недвижимостью.

Здесь выросла наша дочь.

У Сергея в кабинете стоял стол, который он выбирал почти месяц. На кухне мы отмечали семейные праздники. На стене возле входа осталась едва заметная царапина от детского велосипеда Лизы.

Я всегда думала, что если когда-нибудь мы решим переехать, это будет наше общее решение.

— А где собираешься жить ты? — спросила я.

Сергей посмотрел на меня.

— Пока не определился.

— С Надеждой?

Он отвел глаза.

— Да, мы планируем жить вместе.

Хотя я уже знала о его намерении, услышать это вслух было мучительно.

Не роман на стороне.

Не внезапное увлечение.

Совместная жизнь.

Сергей собирался просыпаться рядом с другой женщиной, завтракать с ней, ездить за покупками, отмечать праздники.

И все это уже обсуждал.

Без меня.

— Она сейчас живет в нашем городе? — спросила я.

— Да. У нее здесь квартира. Она часто ездит в Москву по работе, но основное жилье теперь здесь.

— Значит, ты мог встречаться с ней не только в командировках.

Сергей напрягся.

— Вика...

— Я не собираюсь устраивать допрос. Просто пытаюсь понять, как долго мой муж жил двойной жизнью.

Он некоторое время молчал.

Потом сказал:

— Мы несколько раз встречались здесь.

Я кивнула.

Оказывается, пока я ждала его с работы, он мог находиться в нескольких километрах от нашего дома с другой женщиной.

Не в далекой Москве.

Не в гостинице во время командировки.

В нашем городе.

Я вдруг вспомнила, как однажды в августе позвонила ему вечером. Он сказал, что задерживается на службе, и попросил не ждать.

Я тогда приготовила ужин и оставила его порцию в духовке.

Сергей вернулся почти в полночь.

Я спросила, не хочет ли он поесть.

Он ответил, что уже ужинал.

Интересно, с кем?

— Вы давно решили жить вместе? — спросила я.

— Мы обсуждали это.

— Когда?

— Вика, я не помню точной даты.

— Попробуй.

Сергей посмотрел на меня с раздражением.

— Зачем?

— Потому что я до вчерашнего вечера считала, что мы с тобой все еще семья. Мне хочется понять, когда ты начал планировать другую.

Он резко выдохнул.

— Несколько недель назад. Может быть, чуть раньше.

Я почувствовала, что не верю ему.

Но спорить пока было бессмысленно.

— И где вы хотите жить?

— Посмотрим варианты.

— Какие?

Сергей провел ладонью по колену.

— Наде нравится район возле старого парка. Там спокойнее, хорошие дома.

Я медленно подняла голову.

Он сказал это совершенно естественно.

Наде нравится.

Я двадцать семь лет знала, какие районы города нравятся моему мужу. Он терпеть не мог узкие улицы, где трудно припарковаться, и всегда выбирал жилье поближе к удобным выездам.

Теперь он рассказывал мне о предпочтениях другой женщины.

— Вы уже смотрели квартиры?

Сергей замолчал.

Я почувствовала, как в груди стало тесно.

— Сергей?

— Мы обсуждали несколько вариантов.

— Я спросила, смотрели ли вы квартиры.

Он помедлил.

— Да. Смотрели.

Я отвернулась.

Мне вдруг представилась совершенно обыкновенная сцена.

Сергей стоял рядом с Надеждой в пустой гостиной. Они смотрели на окна, обсуждали, где поставить диван, нужна ли отдельная спальня для гостей.

Возможно, спорили о кухне.

Возможно, выбирали место для его рабочего стола.

Точно так же, как когда-то делали мы.

— Когда? — спросила я.

— Вика, какое это имеет значение?

— Большое.

— Недавно.

— До того, как ты сказал мне о разводе?

Он не ответил.

Я медленно кивнула.

— Понятно.

— Я ничего не покупал, если тебя это беспокоит.

Я посмотрела на него.

— Меня беспокоит, что ты обсуждаешь покупку нового жилья с женщиной, пока твоя жена даже не знает, что ты собираешься уйти.

— Я не хотел принимать окончательное решение, пока не поговорю с тобой.

— Но варианты уже посмотрел.

— Да.

— И район выбрал.

— Мы просто обсуждали.

Мне стало невыносимо слушать это слово: «просто».

Он просто встретил Надежду.

Просто начал с ней общаться.

Просто влюбился.

Просто посмотрел квартиры.

И теперь просто хотел развестись.

А мне предстояло собрать двадцать семь лет своей жизни и как-то уложить их в несколько страниц соглашения.

— Я не подпишу твои документы, — сказала я.

Сергей выпрямился.

— Почему?

— Потому что еще не разобралась в них.

— Там все достаточно понятно.

— Тебе, возможно. Я хочу поговорить с юристом.

Он нахмурился.

— Виктория, ты собираешься судиться со мной?

— Я собираюсь защитить свои интересы.

— Разве я предлагаю тебе что-то несправедливое?

— Не знаю. Именно поэтому и хочу проконсультироваться.

Сергей потер переносицу.

— Не нужно превращать развод в войну.

— А ты не называй войной любое мое несогласие.

Он посмотрел на меня.

Несколько секунд мы молчали.

Потом Сергей поднялся.

— Я вижу, сегодня мы опять ни о чем не договоримся.

Я тоже встала.

— Мы договорились об одном. Я не буду принимать решения под давлением.

— Я на тебя не давлю.

— Тогда перестань требовать, чтобы я соглашалась с тобой немедленно.

Он отвернулся.

Я заметила, как напряглись его плечи.

Раньше подобные разговоры почти всегда заканчивались тем, что я начинала искать компромисс. Сергей терпеть не мог неопределенность, особенно если дело касалось денег и крупных решений.

Я привыкла уступать, когда считала вопрос не слишком важным.

Но сейчас важным было все.

Сергей подошел к двери, потом остановился.

— Вика, я действительно не хочу причинять тебе лишнюю боль.

Я устало посмотрела на него.

— Тогда перестань говорить об этом и подумай, что ты делаешь.

Он не ответил.

Вышел в коридор и закрыл за собой дверь кабинета.

Я осталась одна.

Только теперь до меня по-настоящему дошло: они ездили смотреть жилье. Сергей не просто мечтал о будущем или говорил Надежде красивые слова — уже выбирал квартиру для новой жизни.

Пока я летом подбирала новые шторы в нашу спальню, мой муж мог стоять в чужой квартире и решать, где будет жить с другой женщиной.

Я села и закрыла лицо руками.

Слезы наконец пришли.

Без красивых мыслей, без желания выглядеть достойно.

Я плакала из-за того, что любимый человек оказался способен обсуждать новую кухню с другой женщиной, а потом возвращаться домой и спрашивать, что у нас на ужин. Из-за собственной доверчивости и потерянного спокойствия. И, наверное, больше всего из-за того, что все еще любила Сергея.

Я не знала, как с этим быть.

Поздно вечером я снова открыла коробку с фотографиями.

Не потому, что хотела увидеть Надежду.

Мне нужно было найти одну старую открытку.

Я вспомнила о ней, когда Сергей заговорил о квартире, и теперь никак не могла успокоиться.

Открытка лежала в небольшом конверте вместе с фотографиями Лизы из первых лет жизни.

Пожелтевшая бумага, немного потертые края.

На лицевой стороне были нарисованы белые цветы и маленький деревянный дом.

Сергей подарил ее мне в тот год, когда Лизе было всего несколько месяцев.

Мы тогда жили в тесной служебной квартире. Отопление постоянно ломалось, денег хватало не на все, а дочь плохо спала по ночам.

Сергей много работал.

Однажды я сильно заболела и почти неделю не могла нормально вставать. Он взял на себя все домашние дела, хотя совершенно не умел обращаться с детскими бутылочками и постоянно путал чистое белье с тем, которое собирался стирать.

В день моего рождения он принес цветы и эту открытку.

Я открыла ее.

Почерк был знакомый, немного неровный. Сергей всегда писал быстро и почти никогда не следил за красотой букв.

«Викусь, спасибо тебе за этот год. Он был трудным, но я ни разу не пожалел, что мы вместе. Не знаю, как бы справился без тебя. Люблю. Твой Сережа».

Я перечитала записку, потом еще раз.

Она была написана в тот период, когда у нас действительно почти ничего не было: ни просторной квартиры, ни хорошей машины, ни уверенности в завтрашнем дне.

Сергей тогда не был генералом. Он был молодым офицером, который по вечерам мог уснуть прямо за столом от усталости и страшно переживал, когда Лиза температурила.

А я была молодой матерью, постоянно невыспавшейся, с обветренными руками и огромным желанием снова начать работать.

И мы были счастливы, хотя и не каждую минуту.

Мы ссорились, раздражались, иногда не разговаривали по вечерам. Мне бывало одиноко, а Сергей мог сутками пропадать на службе.

Но я точно помнила, что он меня любил.

Я видела это не только в словах.

Он вставал ночью к дочери, когда замечал, что я совсем выбилась из сил. Привозил продукты после тяжелого рабочего дня. Помнил, что я люблю персики, и однажды купил целый ящик, потому что не смог выбрать самые хорошие.

Он радовался моим первым успехам в преподавании.

Гордился, когда меня пригласили работать в новую музыкальную студию.

И всегда говорил, что мы обязательно справимся со всем вместе.

Теперь Сергей утверждал, что давно был несчастлив.

Я не знала, когда именно он начал так думать.

Возможно, последние месяцы.

Может быть, несколько лет назад.

Но точно не тогда, когда писал эту открытку.

И не в тот день, когда впервые держал на руках нашу дочь.

Я положила открытку рядом с фотографией Надежды.

На одном снимке молодой Сергей улыбался другой девушке.

На другом он обнимал меня, а на руках у меня спала маленькая Лиза.

Обе фотографии были настоящими.

Они не спорили друг с другом.

У Сергея была жизнь до меня, потом появилась наша жизнь. И теперь он хотел начать третью.

Я могла понять, что чувства меняются. Что люди иногда перестают любить друг друга и расходятся.

Но не могла принять его попытку представить наш брак случайной ошибкой, которую нужно наконец исправить.

Я провела пальцем по словам на открытке.

«Я ни разу не пожалел, что мы вместе».

Может быть, теперь Сергей жалел.

Но тогда не жалел.

Я была рядом.

Мы растили дочь.

Работали, любили друг друга, покупали мебель, планировали отпуска, переживали трудные годы и радовались хорошим.

Это была моя жизнь.

И я не собиралась позволять ему задним числом делать ее бессмысленной.

За дверью спальни послышались шаги.

Сергей прошел на кухню, потом вернулся в кабинет.

Я не стала выходить.

Аккуратно сложила фотографии обратно в коробку.

Снимок Надежды положила в отдельный конверт, чтобы больше случайно не натыкаться на него.

А открытку оставила у себя.

Не для того, чтобы однажды показать ее мужу и доказать, что он неправ.

Мне не хотелось больше спорить с ним о том, существовало ли наше счастье.

Я сама знала ответ.

Закрыв коробку, я достала телефон, открыла переписку с Оксаной и написала:

«Пришли мне контакт хорошего юриста по семейным делам. Завтра хочу договориться о консультации».

Подруга ответила почти сразу:

«Конечно. Утром все узнаю».

Я выключила телефон.

На тумбочке стояла фотография с моря.

Сергей обнимал меня, а я смеялась, потому что волна только что окатила нам ноги.

Я посмотрела на снимок и не стала отворачивать его к стене.

Мне все еще было больно.

Я не знала, как буду жить через неделю, месяц или год. Не представляла, что делать с квартирой, семейными вещами и двадцатью семью годами привычек.

Но теперь хотя бы понимала, с чего начать.

Сергей успел принять множество решений, даже не спросив моего мнения.

Завтра я собиралась принять первое собственное.

Глава 3. Третий этаж

В воскресенье утром Оксана прислала мне номер юриста, адрес конторы и сообщение из четырех слов: «Я уже все объяснила».

Я перечитала его и набрала подругу.

— Что именно ты объяснила?

— Что тебе нужна консультация по разводу. А что?

— Ты рассказала незнакомому человеку о моей семейной жизни?

— Вика, я не пересказывала ей двадцать семь лет твоего замужества. Сказала, что муж предложил раздел имущества, а тебе необходимо разобраться в документах.

— И кто она?

— Алла Синицына. Занимается семейными делами. Мы с ней знакомы через мою типографию. Несколько лет назад она помогла сестре нашего бухгалтера.

— Успешно?

— Сестра осталась довольна. А ее бывший муж, насколько я знаю, не очень.

Я невольно улыбнулась.

Оксана умела говорить о неприятных вещах так, что становилось немного легче дышать.

— Ты уверена, что она хороший специалист?

— Уверена настолько, насколько можно быть уверенной в человеке, с которым сама не разводилась. Позвони, поговори. Если не понравится, найдем другого.

Я поблагодарила ее и открыла контакт.

Позвонить сразу не получилось.

Сначала я долго разглядывала номер, потом убрала телефон и пошла мыть посуду. Через полчаса вернулась, снова открыла переписку и решила, что в воскресенье беспокоить человека неудобно.

Наконец написала короткое сообщение с просьбой назначить консультацию.

Ответ пришел через двадцать минут.

Алла Синицына предложила встретиться в понедельник в половине четвертого.

Я согласилась.

Сергей в это время находился в кабинете. Дверь была закрыта, оттуда доносились приглушенные голоса. Он с кем-то разговаривал по телефону.

До прошлой пятницы я никогда не прислушивалась к его разговорам. Если муж закрывал дверь, значит, обсуждал служебные вопросы. Я уважала эту привычку и не пыталась выяснять подробности.

Теперь каждый такой разговор заставлял меня насторожиться.

Я поймала себя на желании подойти поближе, остановилась посреди коридора и разозлилась — на себя, на Сергея, на то, что всего за два дня превратилась в женщину, которой хочется подслушивать возле двери собственного мужа.

Я вернулась в спальню.

На кровати лежали документы, которые Сергей оставил мне для ознакомления. Вчера вечером я наконец прочитала их внимательно, но большую часть формулировок пришлось искать в интернете.

Мне было трудно понять, почему одни вещи оценивались по приблизительной рыночной стоимости, а другие вообще не упоминались.

Например, в перечне имелась квартира и два автомобиля. Но не было накопительного счета, на который мы несколько лет откладывали деньги.

Я хорошо помнила этот счет. Мы открыли его после того, как Лиза окончила университет. Сергей предложил перестать хранить большую сумму на обычной карте и перевести деньги под проценты.

Я согласилась.

Счет был оформлен на него, потому что в тот момент у Сергея оказалось больше свободного времени для посещения банка.

Тогда я не придала этому никакого значения. Теперь сидела на краю кровати и пыталась вспомнить, сколько денег мы туда положили.

Оказалось, я даже приблизительно не знала нынешнюю сумму.

В последние годы семейными накоплениями занимался муж. Я оплачивала часть текущих расходов, покупала продукты, занималась бытовыми вопросами, а Сергей следил за крупными платежами.

Мне казалось, что так удобно обоим.

Возможно, так и было.

Но сейчас я впервые пожалела, что не интересовалась подробностями.

Я достала блокнот и записала все, что помнила: дату покупки квартиры, названия банков, где у нас были счета, приблизительные суммы крупных приобретений.

Отдельно отметила автомобиль, оформленный на меня.

Потом добавила вопрос о пианино.

Старый инструмент стоял в комнате, которую мы когда-то называли музыкальной. Я купила его еще до переезда в нынешнюю квартиру, когда только начала серьезно преподавать.

Он был не особенно дорогим, зато имел хороший звук. Несколько раз мы приглашали настройщика, меняли отдельные детали, и в результате инструмент служил мне почти двадцать лет.

Сергей терпеть не мог, когда я занималась поздно вечером.

В последние годы я играла редко, но продать пианино никогда не собиралась.

Теперь не понимала, куда его девать.

Я записала и этот вопрос.

Наконец закрыла блокнот и посмотрела на часы: прошел почти час.

Удивительно, сколько практических вопросов обнаруживается после одной фразы: «Я хочу развестись».

В понедельник я вышла из школы раньше обычного.

Нина Павловна удивилась, когда я попросила перенести совещание на вторник. Обычно я старалась не менять рабочее расписание без серьезной причины.

— Что-нибудь случилось? — спросила она.

— Личные дела.

Она внимательно посмотрела на меня, но расспрашивать не стала.

Я была ей благодарна.

Контора Аллы Синицыной находилась недалеко от центра, на втором этаже старого административного здания. На лестнице пахло краской, хотя стены выглядели так, будто их не ремонтировали лет десять.

Возле двери висела скромная табличка.

В приемной стояли три стула, кулер и небольшой шкаф с папками — без мраморных колонн и дорогих кресел.

За столом сидела женщина лет тридцати.

— Вы к Алле Викторовне?

— Да. Лазарева, на половину четвертого.

— Проходите, вас ждут.

Кабинет оказался небольшим. Возле окна стоял стол, за ним сидела женщина с короткими темными волосами и усталым, внимательным лицом.

На ней была обычная белая рубашка, из украшений — только тонкая цепочка.

— Виктория Андреевна? — спросила она, поднимаясь. — Алла Синицына. Присаживайтесь.

Мы поздоровались.

Она предложила воду, потом открыла блокнот.

— Оксана немного рассказала о вашей ситуации. Но мне нужно услышать все от вас. С чего начнем?

Я достала документы.

— Муж хочет развестись.

— Вы согласны на расторжение брака?

Вопрос прозвучал неожиданно просто.

Я посмотрела на нее.

— Он уже принял решение.

— Я понимаю. Но спрашиваю именно о вашей позиции.

Я замолчала.

До этого момента мне казалось, что все зависит от Сергея: он решил уйти, подготовил бумаги, предложил продать квартиру. А мне оставалось лишь реагировать.

— Я пока не знаю, — призналась я. — Не хочу удерживать человека насильно. Но он сказал об этом только три дня назад.

Алла Викторовна кивнула.

— Это нормально, что вам нужно время. Давайте разделим вопросы. Само расторжение брака — одна процедура. Раздел имущества — другая. Их необязательно решать одновременно.

Она взяла первый лист из папки.

— У вас есть несовершеннолетние дети?

— Нет. Дочери двадцать пять.

— Оба супруга согласны на развод?

— Муж — да. Я... Думаю, тоже соглашусь. Просто пока не могу произнести это спокойно.

Юрист не стала меня торопить.

Она объяснила, что при взаимном согласии супругов, не имеющих общих несовершеннолетних детей, расторжение брака обычно оформляется через ЗАГС. Если же согласия нет, порядок будет другим.

Мы обсудили необходимые документы, сроки и возможные варианты.

Потом перешли к имуществу.

Алла Викторовна внимательно прочитала проект соглашения.

В нескольких местах сделала пометки карандашом.

— Квартира приобретена в браке?

— Да.

— На кого оформлена?

— На Сергея.

— Есть брачный договор?

— Нет.

— Иных соглашений о разделе раньше не заключали?

— Нет.

Она кивнула.

— Тогда сам по себе факт оформления квартиры на мужа не означает, что она принадлежит только ему. Но окончательные выводы будем делать после изучения документов.

Я почувствовала облегчение, хотя прекрасно понимала, что она не сообщила ничего чудесного.

Просто впервые за последние дни со мной разговаривал человек, который не пытался заставить меня немедленно принять чужое решение.

— Сергей говорит, что квартиру лучше продать, — сказала я.

— Это возможно, если стороны договорятся. Но вы не обязаны соглашаться именно на такой вариант только потому, что его предложил супруг.

— Он считает, что мне одной четыре комнаты не нужны.

Алла Викторовна подняла глаза.

— А вы как считаете?

Я задумалась.

— Не знаю. Наверное, действительно не нужны. Лиза давно живет отдельно. Я почти все время на работе. Но это наш дом. Я прожила там много лет.

— Понимаю. Однако сейчас нам полезно отделить эмоциональную ценность жилья от имущественной. Вы можете решить, что хотите его сохранить. Можете согласиться на продажу. Можете рассматривать другие варианты. Главное, чтобы решение было осознанным.

Она повернула ко мне лист.

— Здесь предлагается разделить деньги от продажи квартиры в определенной пропорции, но пока не видно, на основании чего она рассчитана. Кроме того, перечень имущества неполный.

— Я тоже заметила.

— Какие еще активы у вас есть?

Я достала блокнот.

Алла Викторовна слушала, уточняла даты и задавала вопросы.

Когда я дошла до накопительного счета, она попросила рассказать подробнее.

— Он открыт на имя мужа?

— Да.

— Деньги вносились во время брака?

— Насколько я помню, да. Мы переводили туда общие накопления.

— Есть документы?

— У меня сохранились некоторые банковские уведомления. И старые выписки.

— Хорошо. Соберите все, что у вас уже есть на законных основаниях. Остальное будем запрашивать предусмотренным порядком, если понадобится. Не нужно пытаться получать доступ к чужим учетным записям или банковским приложениям.

Я кивнула.

— А если Сергей уже что-то потратил?

— Тогда будем выяснять обстоятельства. Сейчас не стоит строить предположения. Сначала документы, потом выводы.

Мне понравилось, что она не обещала немедленно вернуть все деньги и не изображала моего мужа преступником.

Примерно через сорок минут мы составили список необходимых бумаг.

Алла Викторовна объяснила, какие документы можно получить самостоятельно, какие стоит запросить у супруга и при каких обстоятельствах потребуется судебная процедура.

Когда я уже собиралась уходить, она спросила:

— Вы продолжаете жить вместе?

— Да.

— Это ваш выбор?

Я удивилась.

— А что, он должен меня выгнать?

— Я этого не говорила. Просто хочу понять, насколько вам комфортно оставаться в квартире.

Я подумала о вчерашнем вечере: о закрытой двери кабинета, о телефоне, который Сергей постоянно переворачивал экраном вниз, о том, как я каждый раз прислушивалась к его шагам.

— Не очень, — призналась я.

— У вас есть возможность временно жить отдельно?

— Наверное, да. Я работаю, могу снять квартиру.

— Тогда рассмотрите этот вариант, если считаете нужным. Но прежде оцените расходы и спокойно обсудите юридические последствия. Сам по себе переезд не означает автоматического отказа от имущественных прав.

Она закрыла блокнот.

— И еще один совет. Не принимайте серьезных решений сразу после тяжелого разговора с мужем. Если он предлагает что-то подписать, вы вправе взять время на изучение.

Я посмотрела на папку с документами.

— Он очень не любит ждать.

Алла Викторовна едва заметно улыбнулась.

— Это не юридическое основание для спешки.

Я впервые за весь день рассмеялась.

После консультации я долго сидела в машине.

На пассажирском сиденье лежала папка с документами, к которой теперь добавился аккуратно написанный список.

Мне хотелось позвонить Сергею и сказать, что я поговорила с юристом, что квартира не принадлежит ему одному и я не стану соглашаться на любую предложенную сумму только потому, что ему удобно быстрее завершить развод.

Но почти сразу поняла, что звонить не нужно.

Я ведь ходила к Алле Викторовне не за оружием против мужа.

Мне просто требовалось разобраться в собственном положении.

И впервые за последние дни я действительно начала разбираться.

По дороге домой заехала в продуктовый магазин.

Долго ходила между рядами, выбирая продукты на ужин. По привычке положила в корзину любимый сыр Сергея и упаковку хлебцев, которые он ел по утрам.

Только возле кассы заметила.

Я несколько секунд смотрела на покупки.

Потом вернулась и положила хлебцы обратно на полку.

Сыр оставила: сама его любила. Забота о муже была здесь ни при чем.

Меня даже рассмешило это маленькое открытие. Оказывается, за двадцать семь лет можно так привыкнуть к чужим предпочтениям, что перестаешь отличать их от собственных.

Сергей был дома.

Он сидел за кухонным столом с ноутбуком, просматривая какие-то бумаги.

Увидев меня, прикрыл крышку ноутбука.

— Поздно сегодня.

— Заезжала по делам.

— По каким?

Раньше я ответила бы сразу: рассказала, куда ездила, с кем встречалась и что купила.

Теперь поставила пакет на стол и спокойно сказала:

— Консультировалась с юристом.

Сергей медленно поднял голову.

— С каким юристом?

— По семейным делам.

Он откинулся на спинку стула.

— Виктория, я же говорил, что мы можем обо всем договориться сами.

— Возможно.

— Тогда зачем понадобился посторонний человек?

— Чтобы я понимала документы, которые ты предлагаешь подписать.

Сергей помолчал.

— И что тебе сказали?

— Что нужно собрать полный перечень имущества и финансовых документов. И что торопиться с соглашением необязательно.

Он потер подбородок.

— Значит, ты собираешься затягивать развод?

Я достала продукты из пакета.

— Нет. Я собираюсь разобраться в разделе имущества.

— Это одно и то же.

— Нет, Сергей. Это разные вопросы.

Он посмотрел на меня внимательнее.

Мне показалось, что его удивил мой спокойный тон.

— Я не хочу, чтобы между нами началась какая-то тяжба, — произнес он.

— Я тоже.

— Тогда давай поступим по-человечески.

— По-человечески — это когда оба понимают, на что соглашаются.

Сергей закрыл ноутбук окончательно.

— Ты теперь каждую мою фразу будешь проверять у адвоката?

— Если она касается денег и имущества, возможно.

— Прекрасно.

Я поставила молоко в холодильник.

У меня было достаточно сил для ссоры, но совершенно не хотелось ее начинать.

— Сергей, я не собираюсь тебя обманывать. Не хочу устраивать скандалы, писать жалобы или рассказывать знакомым о нашем разводе. Но и подписывать соглашение, которое не успела изучить, не буду.

— Я и не требовал немедленной подписи.

Я посмотрела на него.

— Ты принес документы в нашу годовщину и на следующий день спрашивал, когда мы их обсудим.

Он отвернулся.

— Потому что неопределенность никому не нужна.

— Мне тоже. Но она уже есть.

Сергей несколько секунд постукивал пальцами по столу.

Потом неожиданно спросил:

— Ты Оксане рассказала?

— Да.

— Понятно.

— Что именно тебе понятно?

— Теперь она будет настраивать тебя против меня.

Я взяла полотенце и вытерла руки.

— Оксана двадцать лет моя подруга. Она не обязана перестать со мной разговаривать, потому что мы разводимся.

— Я этого не говорил.

— Тогда не обсуждай ее.

Сергей посмотрел на меня с раздражением, но спорить не стал.

Я приготовила себе простой ужин, унесла тарелку в гостиную и включила телевизор.

Муж остался на кухне.

Через полчаса он прошел мимо с телефоном в руке.

Я услышала, как закрылась дверь кабинета.

Раньше после такой ссоры я обязательно подошла бы первой, спросила, не хочет ли он чаю, попыталась бы объяснить, что вовсе не собираюсь с ним воевать.

Сегодня я осталась сидеть.

Мы уже не были людьми, которые обязаны мириться перед сном.

И от этого понимания мне стало грустно сильнее, чем от самой ссоры.

Первую квартиру я посмотрела в четверг.

Оксана настояла, что поедет со мной.

— У тебя сейчас голова занята совершенно другим, — объяснила она. — Еще снимешь комнату без горячей воды, а потом будешь удивляться.

— Я в состоянии отличить квартиру от сарая.

— Конечно. Но вдвоем удобнее выяснять, почему хозяйка не хочет показывать документы.

Мы встретились после работы возле небольшого жилого комплекса на окраине.

Квартира находилась на одиннадцатом этаже. На фотографиях все выглядело прилично: светлые стены, новая мебель, просторная кухня.

В действительности диван оказался продавленным, возле окна пахло сыростью, а хозяйка несколько раз повторила, что очень не любит, когда жильцы приглашают гостей.

— Даже если это моя дочь? — уточнила я.

— Ну, дочь, конечно, другое дело. Но чтобы без ночевок.

Оксана повернулась ко мне.

— Вика, поехали.

Я едва удержалась от смеха.

Вторая квартира находилась в красивом кирпичном доме недалеко от школы.

Хозяин встретил нас в дорогом костюме и сразу сообщил, что арендная плата указана без коммунальных платежей, парковки и каких-то дополнительных расходов за обслуживание здания.

Когда мы сложили все суммы, квартира оказалась значительно дороже, чем я рассчитывала.

Третью я даже не стала смотреть.

За несколько часов до встречи собственница написала, что передумала сдавать жилье женщине без мужа.

Оксана прочитала сообщение через мое плечо.

— Предложи ей справку, что муж имеется, но пользоваться им больше не планируется.

Я рассмеялась так неожиданно, что прохожий возле нашей машины обернулся.

— Ты невозможная.

— Зато полезная. Поехали кофе выпьем.

Мы заехали в небольшую пекарню.

Оксана заказала капучино и два пирога с сыром. Я сначала отказалась от еды, но потом все-таки взяла половину ее пирога.

— Ты точно хочешь съезжать? — спросила подруга.

— Не знаю.

— Тогда зачем мы квартиры смотрим?

Я задумалась.

— Потому что дома невыносимо. Мы с Сергеем почти не разговариваем. Когда разговариваем, обязательно ссоримся. Я постоянно думаю, куда он уезжает, с кем созванивается и почему возвращается поздно.

Оксана помешала кофе.

— А если он сам переедет?

— Он пока не собирается.

— Ты спрашивала?

— Да. Сказал, что нужно сначала решить имущественные вопросы.

— Удобно устроился.

Я пожала плечами.

— Возможно, он тоже не знает, как поступить.

Оксана посмотрела на меня.

— Ты даже сейчас находишь ему оправдания.

— Я не оправдываю. Просто пытаюсь не превращать его в чудовище.

Она некоторое время молчала.

— Слушай, Вика, я не прошу тебя ненавидеть Сергея. Он отец Лизы, вы прожили вместе огромную часть жизни. Но тебе необязательно объяснять каждый его неприятный поступок какими-то уважительными причинами.

Я отломила кусочек пирога.

— Знаю.

— Не уверена.

— Оксан, я ведь действительно его любила.

— Я помню.

— И сейчас не могу просто взять и перестать.

Подруга вздохнула.

— Так никто от тебя этого не требует.

Я посмотрела в окно.

По тротуару шла женщина с маленькой девочкой. Девочка прыгала через лужи, а мать безуспешно пыталась удержать ее за руку.

Когда-то мы так же гуляли с Лизой.

Я вспомнила, как Сергей учил ее кататься на велосипеде. Бежал позади, придерживая сиденье, а потом незаметно отпускал. Лиза проезжала несколько метров и кричала от восторга.

Это был хороший день.

Я не хотела его забывать.

Но и возвращаться домой, где Сергей разговаривал с другой женщиной за закрытой дверью, больше не могла.

— Я хочу съехать, — сказала я. — Хотя бы на время.

Оксана кивнула.

— Тогда будем искать дальше.

В следующую субботу мы нашли квартиру на третьем этаже старого пятиэтажного дома.

Снаружи здание не производило особенного впечатления.

Светло-желтый фасад, несколько потрескавшихся плиток возле подъезда, деревянная скамейка под большим кленом. У соседнего входа стояли детские велосипеды.

Зато вокруг было тихо.

До школы можно было доехать за пятнадцать минут, до центра — примерно за десять.

Хозяйка встретила нас возле подъезда.

Ее звали Ирина Михайловна. Невысокая женщина с аккуратной стрижкой и очень практичным взглядом.

— Лифта нет, — предупредила она. — Сразу говорю. Третий этаж, правда, не пятый.

Оксана посмотрела на лестницу.

— Будем считать, что хозяйка квартиры заботится о здоровье жильцов.

Ирина Михайловна улыбнулась.

Лестница оказалась достаточно широкой. На подоконниках стояли цветы в старых горшках, а возле одной из квартир сушился детский зонтик с нарисованными утками.

На третьем этаже хозяйка открыла дверь.

Я вошла первой.

Квартира была небольшой, двухкомнатной, с отдельной кухней.

В прихожей стоял узкий шкаф, напротив висело круглое зеркало. В гостиной находились диван, книжные полки и старый письменный стол. Спальня выходила окнами во двор.

Мебель не была новой, но все выглядело чистым и ухоженным.

На кухне пахло свежевымытыми полами.

— Здесь моя мама жила, — объяснила Ирина Михайловна. — После ее смерти квартиру сдаем. Ремонт делали года четыре назад. Техника вся работает, если что-то сломается, звоните.

Она показала счетчики, документы на квартиру, объяснила условия аренды.

Потом оставила нас на несколько минут, чтобы мы могли осмотреться.

Я подошла к окну спальни.

Во дворе росли два больших дерева. За ними виднелась детская площадка с пустыми качелями.

Обычный двор, ничего особенного. Но мне почему-то захотелось остаться.

Оксана открыла дверцу кухонного шкафа.

— Смотри, даже посуда есть.

— Я вижу.

— И чайник нормальный. Не тот пластиковый ужас, который был в первой квартире.

Я прошла в гостиную.

На стене над диваном висела небольшая репродукция с осенним пейзажем. На полке стояла стеклянная ваза.

Мне понравилось, что квартира не пыталась казаться роскошной.

Здесь можно было просто жить.

Приходить вечером, готовить ужин, читать книгу. Не ждать, когда кто-то повернет ключ в замке и станет ясно, в каком он сегодня настроении.

Я медленно села на диван.

Оксана остановилась возле двери.

— Ну что?

— Мне нравится.

— Правда?

— Да.

Она присела рядом.

— Только, Вика, не снимай ее потому, что тебе хочется поскорее сбежать. Подумай спокойно. Деньги, дорога до школы, коммунальные расходы.

— Я уже посчитала.

— И?

— Потяну.

Оксана кивнула.

— Тогда давай поговорим с хозяйкой.

Договор мы обсудили подробно. Я попросила разрешить поставить в гостиной еще один стеллаж и уточнила, можно ли иногда приглашать дочь с ночевкой.

Ирина Михайловна удивилась вопросу.

— Конечно. Вы же квартиру снимаете, а не место в общежитии.

Мы договорились, что я въеду в начале октября.

Когда хозяйка ушла на кухню за документами, Оксана посмотрела на меня.

— Ты сейчас понимаешь, что делаешь?

— Да.

— Страшно?

Я оглядела небольшую гостиную.

— Очень.

Оксана взяла меня за руку.

— Нормально. Я бы тоже боялась.

Мы немного посидели молча.

Потом хозяйка вернулась, и мы снова начали обсуждать условия аренды.

Сергею я сообщила о переезде вечером.

Он только вернулся домой.

Я стояла на кухне и раскладывала чистые тарелки по местам, когда он вошел.

— Нам нужно поговорить, — сказала я.

Сергей посмотрел на меня с явным удивлением.

Последние дни он сам произносил эту фразу так часто, что, наверное, не ожидал услышать ее от меня.

— Слушаю.

— Я сняла квартиру.

Он не сразу понял.

— Какую квартиру?

— Двухкомнатную. Недалеко от школы.

Сергей поставил стакан на стол.

— Зачем?

Я медленно повернулась.

— Чтобы жить отдельно.

Он некоторое время молчал.

Потом спросил:

— Ты решила переехать?

— Да.

— А как же наша квартира?

— Она остается общей собственностью до урегулирования имущественных вопросов. Мы уже это обсуждали.

Сергей нахмурился.

— Я не об этом. Ты же понимаешь, что не обязана съезжать?

Я посмотрела на него.

Это были первые слова за последние недели, в которых прозвучало что-то похожее на заботу.

— Понимаю.

— Тогда зачем?

— Потому что мне тяжело здесь находиться.

Он опустил глаза.

— Я думал, мы сможем спокойно решить все вопросы.

— Мы и решим. Просто не обязательно жить для этого в одной квартире.

Сергей некоторое время рассматривал столешницу.

— И когда ты собираешься переезжать?

— В начале октября.

— Быстро.

Я едва заметно улыбнулась.

— Ты сам говорил, что не нужно затягивать.

— Я имел в виду оформление развода.

— А я имею в виду свою жизнь.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Ты уверена, что справишься?

Вот этот вопрос задел меня сильнее, чем я ожидала.

— С чем именно?

— С отдельным жильем. Расходами. Всем остальным.

Я поставила тарелку на полку.

— Сергей, я двадцать лет работаю в образовании. Последние десять руковожу школой. Как ты думаешь, смогу ли я оплачивать аренду квартиры?

— Я не сомневаюсь в твоей работе.

— Тогда почему спрашиваешь?

Он вздохнул.

— Потому что раньше у нас все было общее.

Я замолчала.

Раньше.

Это слово прозвучало так естественно, что на мгновение у меня защемило сердце.

— Да, — ответила я. — Раньше было.

Сергей опустился на стул.

— Если тебе понадобятся деньги на переезд, скажи.

Я посмотрела на него.

— Спасибо. Пока не понадобятся.

Он кивнул.

Несколько секунд мы молчали.

Потом Сергей спросил:

— А вещи?

— Заберу свои. Крупные покупки пока трогать не буду, если мы не договоримся отдельно. Я составлю список.

— Хорошо.

Он потер переносицу.

— Ты могла бы не торопиться, Вика.

Я удивленно посмотрела на него.

— Что?

— С переездом. Не обязательно все делать сейчас.

Мне вдруг захотелось спросить, почему ему это не нравится.

Возможно, он опасался осложнений с квартирой.

Может быть, не ожидал, что я действительно уйду.

А может, ему просто было неприятно представлять, как привычная семейная жизнь начнет исчезать не только на бумаге.

Я не стала гадать.

— Я уже решила, — сказала я.

Сергей медленно кивнул.

— Понятно.

После этого он ушел в кабинет.

Я осталась на кухне.

Удивительно, но разговор оказался гораздо спокойнее, чем я ожидала.

Сергей не кричал, не пытался запретить мне переезд и даже предложил помощь.

И все равно мне было больно.

Еще месяц назад я могла представить тысячи причин, по которым мы с мужем станем жить отдельно, но ни одна из них не была связана с другой женщиной.

Следующие дни прошли среди коробок.

Я купила упаковочную бумагу, широкую ленту, маркер и несколько десятков картонных коробок. Дома они заняли почти всю прихожую.

Сергей поначалу старался не обращать на них внимания.

Но однажды вечером, когда я разбирала книги, остановился в дверях.

— Ты все собираешься забрать?

— Нет. Только свое.

Он посмотрел на полки.

— А как ты определяешь, какие книги твои?

Я подняла голову.

— Те, которые покупала для себя. И те, которые мне дарили.

Сергей взял с полки старый сборник стихов.

— А этот?

— Твой. Я дарила тебе его на день рождения.

Он перевернул книгу.

На первой странице была моя надпись.

Сергей прочитал ее, потом поставил сборник обратно.

Я заметила, что пальцы у него задержались на корешке.

— Можешь забрать, если хочешь, — сказал он.

— Зачем? Он твой.

— Просто предложил.

Я продолжила складывать книги.

Сергей некоторое время стоял молча.

Потом спросил:

— А пианино?

Я отложила книгу.

— Что пианино?

— Ты его забираешь?

— Пока нет. В съемной квартире мало места. И поднимать на третий этаж сложно.

Он кивнул.

— Можно оставить здесь до решения вопроса с жильем.

— Спасибо.

Сергей посмотрел в сторону музыкальной комнаты.

— Помнишь, как мы его перевозили?

Я невольно улыбнулась.

— Еще бы.

Много лет назад мы купили инструмент у пожилого преподавателя. Тогда у нас не было денег на профессиональных перевозчиков, и Сергей попросил двух товарищей помочь.

Они втроем пытались вынести пианино по узкой лестнице.

Один из мужчин все время командовал, второй ругался, а Сергей смеялся так сильно, что едва не уронил инструмент.

В результате пришлось вызвать специалистов.

— Я тогда думал, что мы его не довезем, — сказал муж.

— А я боялась, что вы сломаете кому-нибудь ногу.

Он улыбнулся.

На этот раз почти так, как раньше.

Я посмотрела на него и почувствовала острый укол тоски.

Вот же он.

Мой Сергей.

Мужчина, который умел смеяться над собой, помнил смешные семейные истории и сейчас стоял передо мной совершенно обычным человеком.

На мгновение мне захотелось подойти и обнять его, сказать, что можно еще все исправить, что мы должны хотя бы попытаться.

Но потом Сергей посмотрел на часы.

— Мне нужно ехать, — произнес он.

Улыбка исчезла.

— Куда?

Вопрос вырвался сам собой.

Он немного помолчал.

— По делам.

Я опустила глаза на коробку.

— Понятно.

Сергей постоял еще несколько секунд, затем ушел переодеваться.

Через десять минут хлопнула входная дверь.

Я сидела на полу среди книг и смотрела на старый сборник стихов, который когда-то ему подарила.

На первой странице я написала: «Чтобы у нас всегда находилось время для хороших слов».

Мне было двадцать восемь.

Я тогда искренне верила, что самые серьезные трудности семейной жизни уже позади.

Я взяла книгу, поставила обратно на полку и продолжила собирать вещи.

За три дня до переезда в школе случилась неприятность.

Утром позвонила преподавательница хореографии и сообщила, что заболела. Ее занятия пришлось срочно переносить. Потом выяснилось, что поставщик задерживает новые стулья для малого зала.

К обеду мне казалось, что я разговариваю одновременно по трем телефонам.

Нина Павловна вошла в кабинет с чашкой чая.

— Вы сегодня вообще ели?

— Кажется, да.

— Когда?

Я посмотрела на часы.

Было без двадцати два.

— Утром.

Она поставила чашку передо мной.

— Тогда пообедайте.

— Сейчас закончу с поставщиком.

— Вы с ним уже сорок минут заканчиваете.

Я подняла на нее глаза.

Нина Павловна стояла возле стола с таким выражением, что спорить не хотелось.

— Хорошо. Десять минут.

Она удовлетворенно кивнула и вышла.

Я достала из сумки яблоко и бутерброд, который утром положила туда почти машинально.

Раньше Сергей часто напоминал мне брать еду на работу.

В последние месяцы перестал.

Я поймала себя на этой мысли и с раздражением отложила бутерброд.

Неужели теперь любое действие придется связывать с мужем?

Я снова взяла телефон, чтобы проверить сообщения от поставщика.

В этот момент постучала секретарь.

— Виктория Андреевна, к вам посетитель.

— Кто?

— Женщина из городского управления культуры. Говорит, у нее была предварительная договоренность.

Я вспомнила.

Еще несколько недель назад нам обещали прислать представителя по вопросу участия школы в городских мероприятиях.

— Пусть проходит.

В кабинет вошла женщина лет сорока пяти с папкой под мышкой.

— Добрый день. Ольга Борисовна Климова, отдел культурных проектов.

Мы познакомились.

Она извинилась за визит без окончательно согласованного времени и сразу перешла к делу.

Город готовился к открытию старого концертного зала, который уже давно находился на реконструкции.

Здание было знакомо мне с юности.

Когда-то я выступала там еще студенткой. Потом несколько раз привозила учеников на концерты.

Последние годы зал стоял закрытым.

Реконструкцию начали задолго до нашего разговора, и теперь городские власти рассчитывали завершить работы к весне.

— Мы хотим сделать открытие не просто официальным мероприятием, — объяснила Ольга Борисовна. — Нужна полноценная культурная программа. С участием местных коллективов, детских школ, профессиональных музыкантов. Нам рекомендовали обратиться к вам.

— Кто рекомендовал?

— Тамара Егоровна. Она сказала, что если вам дать неделю, вы сумеете организовать концерт даже в автобусном парке.

Я рассмеялась.

— Она преувеличивает.

— Возможно. Но у вашей школы хорошая репутация. Мы видели программу прошлогоднего фестиваля.

Ольга Борисовна открыла папку и показала предварительные материалы.

Никаких окончательных обещаний пока не было. Требовалось обсудить состав участников, репетиционный график, технические ограничения и взаимодействие с подрядчиками.

Но сама возможность заинтересовала меня сразу.

Старый концертный зал был одним из немногих городских помещений, где можно было проводить серьезные музыкальные мероприятия.

После реконструкции там должны были появиться новые инженерные системы, обновленная сцена и более удобные помещения для артистов.

— А кто отвечает за техническую часть? — спросила я.

— Подрядная организация. У них отдельная команда специалистов. Все вопросы доступа и безопасности придется согласовывать.

— Разумеется.

— Вы готовы рассмотреть участие?

Я снова посмотрела на документы.

Еще утром мне казалось, что до переезда я вообще не способна заниматься чем-то новым.

Но сейчас передо мной лежало предложение, которое действительно имело значение для школы.

Мы могли подготовить большой концерт, привлечь бывших выпускников, показать работы наших учеников.

Возможно, даже организовать совместное выступление с городским камерным ансамблем.

Я уже мысленно составляла программу.

— Да, — ответила я. — Давайте обсудим подробности.

Мы разговаривали почти час.

Я задавала вопросы о сроках, финансировании, доступности помещений и составе участников. Ольга Борисовна записывала мои предложения.

В конце встречи мы договорились, что я подготовлю предварительную концепцию программы и список необходимого оборудования.

— Скорее всего, придется несколько раз встречаться с руководителем технического направления, — предупредила она. — Не все помещения будут доступны одновременно.

— Это понятно.

— Он человек довольно требовательный.

Я улыбнулась.

— Думаю, справимся.

После ухода Ольги Борисовны я некоторое время сидела над документами.

Потом позвала Нину Павловну.

— У нас новое предложение.

Она вошла с блокнотом.

Я рассказала о концертном зале.

Нина Павловна сначала удивилась, потом начала задавать вопросы один за другим.

Через пятнадцать минут мы уже обсуждали возможную программу и список преподавателей, которых стоило привлечь.

Тамара Егоровна, узнав о проекте, заявила, что наконец-то город вспомнил о существовании живой музыки.

К концу дня у меня на столе лежали два листа с набросками.

Я впервые за долгое время почувствовала настоящее профессиональное воодушевление. Работа не просто позволяла забыть о разводе — она существовала независимо от Сергея. Школа, музыка, ученики, люди, с которыми я работала много лет, никуда не исчезали.

Я могла потерять брак.

Но не обязана была терять себя.

Эта мысль пришла неожиданно, без всякого торжественного чувства.

Я просто сидела за столом, смотрела на список участников будущего концерта и понимала, что мне действительно хочется этим заниматься.

Переезд назначили на субботу.

В семь утра Оксана позвонила и спросила, готова ли я.

— Почти.

— Что значит почти?

— Последние коробки собираю.

— Виктория, грузчики будут через час.

— Я знаю.

— Ты опять начала разбирать фотографии?

Я посмотрела на открытую коробку возле комода.

— Немного.

— Закрывай. Приеду через двадцать минут.

Она отключилась.

Я убрала фотографии, заклеила коробку и написала сверху: «Личное. Осторожно».

Потом оглядела спальню.

За последние две недели я собрала почти все свои вещи. Из шкафа исчезла большая часть одежды, с полок — книги, с туалетного столика — косметика.

Комната еще не опустела, но стала непривычной.

На кровати лежало покрывало, которое я купила прошлой весной. Тогда Сергей сказал, что оно слишком светлое и быстро испачкается.

Я все равно купила.

Теперь решила забрать его с собой.

В прихожей стояли чемоданы.

Сергей вышел из кабинета, когда я переносила последнюю коробку.

Он был небритый, в домашних брюках и футболке, с чашкой кофе в руке.

— Уже все?

— Почти.

Он посмотрел на коробки.

— Много вещей.

— За двадцать семь лет накопилось.

Сергей медленно кивнул.

— Грузчики во сколько?

— В восемь.

— Я могу помочь вынести тяжелое.

— Спасибо. Они справятся.

Он некоторое время стоял возле шкафа.

Потом спросил:

— Ты взяла документы на машину?

— Да. Она оформлена на меня. Я забрала свои документы.

— Хорошо.

Я подняла коробку.

Сергей шагнул вперед.

— Давай помогу.

Он взял ее прежде, чем я успела отказаться.

Мы вместе прошли в гостиную.

Сергей поставил коробку возле двери, потом огляделся.

— Здесь как-то пусто стало.

Я посмотрела на полки.

— Я еще не все забрала.

— Я вижу.

Он помолчал.

— Ты можешь приезжать за вещами, когда понадобится. Только предупреждай заранее.

Я медленно подняла голову.

— Конечно.

Сергей, кажется, понял, как прозвучали его слова.

— Я не в том смысле...

— Я поняла.

Мы замолчали.

Наконец он спросил:

— Ты уверена, что не хочешь оставить квартиру себе? Может быть, еще подумаешь?

Я посмотрела на него.

— Сергей, мы обсуждали это. Я не отказываюсь от своей доли. Просто сейчас хочу жить отдельно.

— Я знаю.

— Тогда почему спрашиваешь?

Он потер шею ладонью.

— Не знаю. Просто непривычно.

Я едва не сказала, что мне тоже непривычно.

Что мне вообще все происходящее кажется какой-то дурной ошибкой.

Но в этот момент позвонили в дверь.

Приехала Оксана.

Она вошла с двумя стаканами кофе и большим пакетом булочек.

— Доброе утро. Я решила, что без завтрака вы тут окончательно переругаетесь.

Сергей поздоровался.

Оксана ответила вежливо, но без привычной теплоты.

Я заметила, что ему это неприятно.

Он ушел в кабинет, унося свою чашку.

Подруга проводила его взглядом.

— Ну что, командовать сегодня не будет?

— Оксан, пожалуйста.

— Все. Молчу.

Она поставила пакет на кухонный стол.

— Ешь. Потом начнем.

Я достала булочку.

Первые несколько минут мы разговаривали исключительно о коробках, посуде и перевозке мебели.

Затем приехали грузчики.

Два крепких молодых мужчины быстро оценили количество вещей, уточнили, что именно нужно переносить, и приступили к работе.

Я ходила за ними, проверяла коробки и старалась не мешать.

Оксана занималась списком.

Сергей несколько раз выходил из кабинета, спрашивал, не нужна ли помощь, потом снова исчезал.

Когда грузчики вынесли книжный стеллаж, я вошла в музыкальную комнату.

Пианино стояло у окна.

На крышке лежала старая тряпочка для полировки, рядом — метроном.

Я подошла и провела пальцами по клавишам.

Инструмент ответил несколькими негромкими звуками.

Сергей появился в дверях.

— Ты его пока оставляешь?

— Да.

Он подошел ближе.

— Помню, как ты на нем занималась перед первым большим концертом школы.

Я улыбнулась.

— Тогда мне казалось, что все сорвется.

— Ты три недели почти не спала.

— Потому что половина преподавателей заболела, а арендодатель в последний момент изменил условия.

Сергей кивнул.

— Но концерт получился хороший.

Я посмотрела на него.

— Ты помнишь?

— Конечно.

Он помолчал.

— Я тогда гордился тобой.

От этих слов у меня болезненно сжалось горло.

— Знаю.

Мы стояли рядом с пианино.

На мгновение все выглядело почти как раньше.

Я могла бы попросить его помочь передвинуть стул, он мог бы предложить вызвать настройщика. Мы могли бы поговорить о работе, о Лизе, о какой-нибудь совершенно обычной вещи.

Но за дверью грузчики выносили мои вещи.

И я знала, что через несколько часов буду жить по другому адресу.

Сергей посмотрел на инструмент.

— Если решишь забрать, скажи. Помогу организовать перевозку.

— Хорошо.

Я закрыла крышку пианино.

Потом взяла с подоконника маленькую фотографию Лизы и пошла к выходу.

Сергей остался в комнате.

К полудню почти все было готово.

Грузчики вынесли последнюю коробку, Оксана проверила список, а я в последний раз прошла по квартире.

В ванной остались вещи Сергея.

На кухне — посуда, которую мы пока договорились не делить.

В гостиной стоял диван, на котором мы столько раз смотрели фильмы всей семьей.

Я задержалась возле двери Лизиной комнаты.

На полке по-прежнему сидел плюшевый медведь.

Я взяла его в руки.

Когда Лизе было четыре года, она категорически отказывалась спать без этого медведя. Однажды мы забыли игрушку на даче и были вынуждены возвращаться за ней поздно вечером.

Сергей тогда сердился, но сам первым предложил поехать.

Я улыбнулась, вспомнив его раздраженное лицо, когда он обнаружил медведя под старым пледом.

Сейчас игрушка выглядела потрепанной.

Я поправила ей ухо.

Потом поставила обратно.

Лиза давно выросла.

И медведь должен был остаться там, где она помнила свое детство.

Я вышла в коридор.

Сергей стоял возле входной двери.

— Все проверила?

— Да.

Он посмотрел на мой чемодан.

— Я помогу донести.

— Не надо. Оксана ждет внизу.

— Виктория.

Я остановилась.

— Что?

Сергей несколько секунд подбирал слова.

— Ты не обязана делать все это так окончательно.

Я посмотрела на него.

— Что именно?

— Уезжать, перевозить вещи. Мы могли бы спокойно пожить отдельно какое-то время, не устраивая такой переезд.

— Сергей, я именно это и делаю. Переезжаю, чтобы жить отдельно.

Он нахмурился.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я.

Я не понимала.

Или не хотела снова угадывать.

— Тогда объясни.

Сергей отвел взгляд.

— Просто мне кажется, ты слишком резко все меняешь.

Я почувствовала, как внутри поднимается усталое раздражение.

— Это я резко все меняю?

Он помолчал.

— Я не хотел сказать...

— Ты встретил другую женщину, несколько месяцев скрывал отношения, подготовил документы на развод. А теперь говоришь, что я слишком резко меняю жизнь, потому что решила снять квартиру?

Сергей сжал челюсти.

— Не нужно все время возвращаться к одному и тому же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.